84(2=411.2)6
Ч-48

Фонд редких книг

ПАВЕЛ ЧЕРКАШИН

ЛИНИИ СУДЕБ

очерки и эссе

12+

библиотека
МОЛОДОЙ
ПЕТЕРБУРГ

Листок срока возврата книг

Р

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
указанного здесь срока

12+

Р К 84(2=411.2)6
4-48

Павел Черкашин

ЛИНИИ СУДЕБ

Очерки и эссе

082619002
Мегион ЦБ-КО

Книга
из личной
библиотеки
автора

Санкт-Петербург
2014

Библиотека

МБУ «Централизованная
библиотечная система»
Инв № 82619/2-(2)

21.05.2015 г.

ББК 84(2Рос=Рус)6-3
Ч-48

Литературный фонд
«Дорога жизни»

Общество «Молодой Петербург»
при Союзе писателей России

Редколлегия «Молодого Петербурга»
благодарит Ханты-Мансийский Банк
и лично Дмитрия Мизгулина
за помощь в издании этой книги

Черкашин, П.

Ч-48 Линии судеб : очерки и эссе / Павел Черкашин ; СПб. Литературный фонд «Дорога жизни», Общество «Молодой Петербург». — СПб. : «Реноме», 2014. — 96 с.

ISBN 978-5-91918-511-6

В оформлении обложки использована работа народного художника России В. Г. Старова.

Ограничение по возрасту 12+

© Павел Черкашин, 2014
© Литературный фонд
«Дорога жизни», 2014
© Оформление.
ООО «Реноме», 2014

ISBN 978-5-91918-511-6

КУЛАКОВО – КАМЕНКА – КУЛИГА

краеведческий очерк

Летняя пора – время отпусков, дачных работ, долгожданных каникул у школьников. А вот у большинства студентов на первую половину июля выпадает практика. На каждом факультете и курсе – своя.

Когда я окончил первый курс филологического факультета Тюменского государственного университета, практика была «шутейная»: сбор фольклорного материала. Я уехал в родные места, в село Мужи, что расположено в западной части Ямало-Ненецкого автономного округа на коренном берегу Малой Оби. Всего за каких-нибудь три дня у меня уже было накоплено около четырёх часов аудиозаписей местных коми-зырянских сказок, загадок, частушек и песен. Особенно – песен. Праздник не праздник, а петь мужевские зыряне очень любят – не припомню, чтобы мне пришлось кого-то долго упрашивать.

А спустя год, когда мы, как будущие филологи, уже гораздо глубже поднаторели в различных языковедческих дисциплинах, нас, перешедших на третий курс, ожидала более серьёзная практика. Диалектологическая. Но именно она запомнилась мне больше всего своими незабываемыми встречами, и именно о ней хочется рассказать более подробно.

В задачи нашей диалектологической практики входили сбор и последующая научная классификация говоров коренных сибирских жителей сёл и деревень Тюменского района.

Сами по себе диалекты мало для кого могут представить большой интерес (конечно, кроме тех, кому это нравится или кто этим занимается по долгу профессии). Но интересным оказалось многое другое…

Чего греха таить: живя в столь суетливом многослойном и лживом мире, в мире, где чуть ли не каждый, в силу навязанной жестоким веком привычки не доверять ближнему, закрылся в глухой скорлупе, часто ли мы (хотя бы и наедине с самими собой) задумываемся над истоками и мудростью дедовских традиций? Можем ли похвастать хорошими знаниями старинных русских обычаев, сумеем ли спеть из народной песни более одного популярного куплета или, наконец, доходчиво, увлекательно рассказать своему ребёнку историю родного края и научить жить с Богом в душе и сердце?

В городе всё это почти умерло либо «ушло в глубокое подполье», не проявляясь никак иначе, как только на пьяных посиделках в частушках, порой самых примитивных, а то и вовсе непристойных.

К сожалению, деревня тоже не избежала болезни Иванов, не помнящих родства, но, тем не менее, в большей степени сохранила народную память.

Эту великую ценность, в первую очередь, поддерживают, несмотря на её целенаправленное повальное искоренение в последние семь десятилетий, многовековые сельские уклад и быт, замешанные густо на людских поверьях, приметах, старинных сезонных и православных праздниках и на прочих благих традициях.

Да и люди в деревнях другие. Пускай и их не обошла стороной досадная печать нашего расхристанного времени, но всё-таки остались они более открытыми и приветливыми. Меньше в них фальши и двуличия. Неизмеримо меньше корыстных недомолвок, злого умысла в поступках. По-свойски, за чашкой чая, с ними можно поговорить о чём угодно.

И столько нового откроется для тебя в простых законах согласного устройства жизни.

А местные бабушки – это же просто кладезь! Судьба любой из них могла бы стать полновесным сюжетом для отдельной книги. Просто чудо эти бабушки! О них и будет речь.

ИРБИТСКИЙ ТРАКТ

Маршрут нашей диалектологической практики пролегал через три следующие друг за другом населённых пункта по Ирбитскому тракту: Кулаково – Каменка – Кулига.

Мало кто знает, что, отправляясь из областного центра в аэропорт «Рощино», минуя кольцо автострады возле учебного хозяйства Тюменской сельскохозяйственной академии, он проезжает по самой первой сухопутной дороге, которая вела из-за Урала в Тюмень. Разведал её по указу царя пермский крестьянин Артемий Бабинов в 1595 году. Потому и называлась она в былое время Бабиновской. Дорога эта шла из Москвы через Соликамск на Верхотурск, Туринскую Слободу (ныне Туринск), Тюмень и далее на Тобольск, значительно сокращая путь из центральной части России в Западную Сибирь.

Служила она русскому народу верой и правдой более ста пятидесяти лет и была самой оживлённой трассой. Ею интенсивно пользовались вплоть до середины девятнадцатого века, хотя уже была проложена и объезжена новая дорога – Сибирский тракт (ныне Московский) через Екатеринбург. А Бабиновскую дорогу стали называть Ирбитским трактом, так как вела она к небольшому городу Ирбиту в Свердловской области.

КУЛАКОВО

На двадцатом километре Ирбитского тракта начинается село Кулаково, протянувшееся в просторной пойме Туры километра на три. Это одно из самых старинных сёл, возникших под Тюменью вдоль первого тракта в Сибири. В 1997 году жители отпраздновали его четырёхсотлетие.

Раньше Кулаково славилось в округе удалыми ямщиками, отменными сортами конопли и качественными изделиями из коноплёвой пряжи. Здешние чернозёмные почвы были очень благоприятны для выращивания этой культуры. Волокно получалось длинное и на редкость прочное. О том, насколько качественным оно было, может свидетельствовать тот факт, что на выставке сельских изделий в Петербурге в 1861 году кулаковская конопля была удостоена особого внимания со стороны Вольного экономического общества, существовавшего в то время. Холсты, верёвки, канаты, рыболовецкие сети и неводы из местной конопли, а также конопляное масло были широко известны и за пределами Тобольской губернии. Мало того, многое из перечисленного даже экспортировалось Россией в европейские государства.

Село Кулаково – родина авторитетного в нашем крае купца и мецената Николая Мартемьяновича Чукмалдина. Того самого, благодаря которому в Тюмени появилось городское Александровское реальное училище. Оно поместилось в красивейшем здании на улице Республики (бывшей Царской).

У этого здания теперь есть своя богатая история. В его стенах учились писатель Михаил Пришвин, дипломат Леонид Красин, развед-

чик Николай Кузнецов. А сравнительно недавно стал общеизвестным факт, что именно здесь на втором этаже во время Великой Отечественной войны был оборудован «временный мавзолей» для эвакуированного из Москвы саркофага с телом Владимира Ленина.

Те, кто знает Тюмень, а тем более живёт в ней, наверное, уже догадались, о каком здании идёт речь. Теперь в нём располагается главный корпус Тюменской сельскохозяйственной академии.

Кулаковцы и по сей день гордятся своим замечательным земляком. При финансовой помощи Николая Мартемьяновича в селе в 1901 году была построена большая церковь, освящённая в честь Святого Николая Чудотворца. Поставленная на прочном базальтовом фундаменте, сложенная из отборного красного кирпича, с ажурными позолоченными крестами, украшенными гранёным цветным стеклом, она была главной достопримечательностью села, наполняя округу густым колокольным звоном во время православных праздников и служб. К сожалению, вскоре Николаевская церковь, как и подавляющее число других в России, значительно пострадала во время кощунственного разгула так называемой диктатуры пролетариата в конце двадцатых годов двадцатого века. На долгое время в ней затем разместился совхозный гараж.

По инициативе опять же Чукмалдина в Кулаково разбили великолепный сад с аллеями, скамеечками. В начале прошлого века, и даже ещё в годы Великой Отечественной войны, в чукмалдинском саду проводились многолюдные сельские празднества, играла гармонь, звучали песни. Сейчас сад в полном запусте-

нии, хотя рядом с ним находится Кулаковская средняя школа, администрация которой, организовав школьников, вполне могла бы взять на себя несложную обязанность по уходу за садом. А пока… все аллеи густо заросли репьём да крапивой…

Впрочем, кто ещё может лучше рассказать о том, что было раньше, как не сами жители.

АННА СТЕПАНОВНА

Первой, к кому я зашёл, оказалась грузноватая пожилая женщина с большими добрыми глазами – Анна Степановна Щербакова. Поначалу, узнав о цели визита, Анна Степановна немного замялась, стушевалась – дескать, ничего она особенного-то и не знает, – но затем добродушно улыбнулась и пригласила в дом.

За столом, за ароматным мятным чаем с домашним печеньем, завязалась непринуждённая беседа. Многое поведала Анна Степановна о былых годах, зашла речь и о Николае Мартемьяновиче Чукмалдине…

– Хороший был человек, сердечный. Бедным всегда помогал, даром что купец. Здесь, при Николаевской церкви, школу открыл церковно-приходскую. Сам-то в Москве больше жил. Оттуда же форму посылал ученикам. Платьишки там разные. Много добра сделал. Церковь, знаете уж, поди, тоже на его средства построена. А руководил стройкой-то из столицы. Он и умер-то не то за границей, не то в Москве, а потом уж сюда везли, на родную землю. Его ведь здесь сильно почитали.

На станцию-то доставили, а до Кулакова ещё сколь везти надо. Дело в мае было, накануне как раз дожди сильные прошли, дороги

кругом развезло. Так его когда в гробу до села несли, то ковры на дорогу самотканые стелили. Склеп специально сделали в церкви. Он так сам хотел. Похоронили.

А потом (и кому только такое могло понадобиться!) его достали оттуда в тридцать четвертом году. Да ладно бы, если как у людей, а то ведь как звери поступили. Ей богу! Когда из склепа-то вынесли, стали в новый гроб перекладывать, а гроб-то «тяп-ляп», наугад делали али с пьяного глазу. Он намного короче оказался. Так Николаю Мартемьянычу взяли ноги-то и… отпилили! Рядом положили. Вот какой ужас! Разве так можно? Разве по-человечески это? А перехоронили ночью глубокой. Тайком. Чтоб ни одна душа не видела. И в каком месте могилка – никто теперь не знает.

– Сад-то чукмалдинский, – продолжила Анна Степановна, – что около больницы, – мне моя матушка покойная как-то рассказала – там раньше ещё пожарная была. Матушка хорошо всё помнила, сама помогала сад обустраивать. Николай Мартемьяныч специально отборные саженцы заказывал в сад для посадки, а мама да другие жители сажали деревца. Сейчас-то ели вон уж какие: высокие, красивые. Правда, аллеи там уже все вконец заросли, ухаживать некому. Старикам невмоготу, молодым, видать, безразлично. А в былое-то время там кроме праздников разных сельские торги частенько проходили. И всё было. Потом мигом растащили. Куда всё подевалось?

Ну, бедные-то понятно – они тут же в колхоз пошли. Сначала у нас коммуна была, но недолго. Почти сразу сделали колхоз имени Фрунзе. Но бедняков не особенно много было. Десятка, может, два. Никак не больше. В

Кулакове люди спокон веков крепко жили, хозяйство хорошее имели, трудились на совесть. Им и колхоз этот, что власти организовать вычудили, как собаке пятая нога. Так ведь надо же придумать: кулаками вдруг оказались. Раскулачивать стали. В отместку, видать. Напропалую. До последней нитки. Многих-многих раскулачили – и на выселение. Кого на Север, кого ещё дальше, на Енисей.

А остальным, кто в селе остался, волей-неволей пришлось колхозниками становиться: скотину-то всю, какая у людей была, в колхоз согнали. Да и страшно вдобавок было, ведь новая политика какая стала: если ты не колхозник, значит, единоличник, враг Советской власти. А жить-то ведь хочется. Вот было горюшко!

– Наверно, и ваша семья не избежала печальной участи?

– Не избежала. Николай, брат мой старший, тоже был высланный. Но его потом обратно за Урал перекинули. А сначала он Балтийский канал строил, года три или четыре. Как только живым обратно пришёл! Там ведь очень много погибло людей, пропадали бесследно чуть ли не каждый день, он сам как-то рассказывал. Ни жилья у них там, ни кормёжки путной не было, вечно впроголодь, а заболеешь – пропадай, не велика потеря.

Но так уж, видно, ему суждено было: с канала невредимый вернулся, худющий только, кожа да кости, а вот на Великой Отечественной войне погиб, в первый же год. Жена вдовой осталась, да недолго мыкалась, скоро и сама умерла. А дети-то, двое их было, выдюжили, выросли. В городе теперь живут. Тоже уже пожилые, может, года на четыре али на пять меня помладше будут…

Церковь нашу видели?

– Конечно. По пути к вам мимо неё шёл, останавливался неподалёку. Запущенная она у вас.

– Да. А раньше какая красивая стояла. Загляденье! Я маленькой была, а хорошо помню. Сейчас-то все купола и маковки снесены, а ведь какая высокая была! Кресты большие, позолоченные, со стеклом цветным. Когда кресты снимали, стёкла-то повыпадали. У меня был когда-то кусочек такого стекла. Подобрала на память. В него посмотришь – радуга, всё разноцветное, как в Божьей сказке. Красиво!

Ломали когда церковь, многие плакали, причитали, крестились, особенно когда колокола снимали. Такой чудесный звон он них был: густой, басовитый – заслушаешься. Куда их увезли – неизвестно. Поди, уж переплавили давным-давно. Сейчас церковь, ваша правда, и не узнать. Сарай сараем, прости Господи. Раньше-то всё чинно было, ухожено, чугунная решётка со столбиками, тротуарчики из каменных плиток, цветы на клумбах…

Помню, священники недалеко от нас жили. Степенные, грамотные. Иной раз встретишься с батюшкой на улице – обязательно поздороваешься, а то и благословения отважишься испросить. У одного очень красивый голос был: его любили слушать, когда он пел на службе. А теперь и домов не осталось, в которых они жили. Их ведь тоже выселили. Кажись, даже в первую очередь. Поди, и расстреляли в городе, недолго думая, как теперь поговаривают.

Ох, много напрасного зла было сделано. Ведь как считалось: если хороший хозяин, значит, кулак, если священник – ещё хуже, мракобес. Потом в крупных домах, из кото-

рых большие семьи выселили, садики для детей стали устраивать. Ладно, хоть не сносили, в других деревнях и так было.

А сейчас не так давно новый каменный садик построили, двухэтажный. Ой, вы зайдите туда! Там – как в сказке! Всё для детей на совесть сделано. И воспитатели у нас замечательные. Просто бесподобно! Так что зайдите обязательно.

Последнее время вообще много понастроили. Улицы новые даже появились. Раньше Кулаково не сильно большое было, а теперь здесь четыре улицы, за речкой – шесть, возле РСУ – две.

– А не знаете ли случайно, почему село назвали Кулаково?

– Ну, как же не знать, конечно, знаю. Село-то наше древнее, почти ровня Тюмени. А как оно появилось, вот что рассказывают. Когда-то с верховьев Туры приплыли сюда в лодке два человека. Один по фамилии Кулаков, а другой – Гусельников. Место им это очень понравилось – и поля, и река рядом, и бор сосновый неподалёку. Решили строиться здесь. Один-то, который Кулаков, дом тут поставил, а Гусельников – чуть выше по реке. Так вот и появились две деревни-соседки, Кулаково и Гусельниково. Теперь-то они уж соединились вместе и значатся как Кулаково.

Эх, незаметно прошло время в гостях у Анны Степановны, пора было идти к автобусу. Мы тепло попрощались, и я направился в сторону остановки. А завтрашний день сулил новую интересную встречу…

АПОЛЛИНАРИЯ ИВАНОВНА

Небольшой приземистый домик, выкрашенный в зелёный цвет, на улице Семёновых в Кулаково. Здесь живёт Аполлинария Ивановна Носырева. Пока открываю щеколду ворот, раздаётся заливистый лай собаки. На крыльцо выходит хозяйка. Небольшого роста, сероглазая, улыбчивая, в ситцевом платочке.

Вчера у неё уже кто-то был из моих однокурсников, поэтому обхожусь без подробного объяснения своего визита. Проходим в дом. Я неожиданно стукаюсь головой о потолок: уж больно низко! Аполлинария Ивановна в ответ смеётся, приглашает садиться, угощает клубникой со своего огорода и без долгих предисловий начинает рассказывать о своей жизни.

– Я ведь всю войну работала. Не училась, робить заставляли. Отец был на фронт взят, война тогда с германцами была. Братья мои ещё маленькие, а я постарше. Помочь некому. Мамины родственники все умерли: голод страшный был. Я тоже голода хватила: картошку мороженую ели, не брезговали. Вот так. Мужики все на войне, а бабёнки да ребятишки тут. Хлеба всего по двести грамм давали. А сейчас хлеб на помойках, бывает, валяется. Ладно ещё, что у нас корова имелась. Она старая сильно была, поэтому её в совхоз не забрали, так мы хоть молоко ещё маленько пили. Летом для неё сено ходили косить. Не потопаешь, так и не полопаешь! Все работали. Тогда ведь вино-то особо не пили, от захмелевшего в работе какой толк, а теперь посмотришь – каждый божий день пьяны. Раньше и курили меньше. Правда, кое-кто самосад садил, но то ведь взрослые, а ребята до

войны не курили. Это потом уж стали, разболтались…

Вчера гроза-то в городе была?

– Была.

– Здесь тоже. Я ужас как грозы боюсь. Как только начинается, я сразу под одеяло с головой укрываюсь. А иной раз и без дождя гремит. Сухая-то гроза вереснёт (сильно загремит – **П. Ч.**) так вереснёт. Ох, страхи! Раньше клюку (кочергу – **П. Ч.**) на улицу выносили от молнии али ножик на окно ставили, чтоб уберечься. А то не дай Бог чего.

Как-то раз пошли мы с работы на обед, а гроза-то и задымилась. Всё кругом обложило тучами, молнии частые засверкали. А одна девчонка впереди с бригадиром шла, так в них прямёхонько молния и ударила. Мигом оба почернели. Когда мужики и бабы их потом закапывали, ну, в день похорон-то, так и глядеть страшно было. Ох, знали бы люди, где умереть приключится, так наверняка соломки бы подостлали.

Мне мама рассказывала, как в одну грозу половина села с горки сгорела. Вот было горя!.. А горе что, его никогда вином не зальёшь, хоть того пуще оно будь. Раньше-то по три да по пять рублей вино было, и то так не пили, не спивались, а теперь по пятьсот да по шестьсот, так всё равно не жалеют деньги – пьют! На хозяйство многие плюнули, Бога из сердца вымели, живут, как перекати-поле, про завтрашний день нисколько не думают. Вот всё и запустили…

– Что-то у нас опять разговор на тему пьянства сбился. Может, лучше про какие-нибудь приметы местные народные расскажете?

– Ой, и правда *(смеётся)*! Всё про вино да про вино! Видать, наболело внутри, насмотрелась за последнее время. Ну да ладно. Лучше я про нашу жизнь в военные годы расскажу. Тоже несладко жилось. В войну своих трудностей хватало. Ламп добрых не было. В маленькую бутылочку косьёмку (самодельный тряпичный фитиль – **П. Ч.**) вставишь, она и горит понемножку. Лучин-то уж не было, прошло их время. А теперь, если что случится аварийное, то от города линию отцепят, и нигде электричество не горит. Хоть снова бутылочку востри.

В войну и пахали-то граблями. Пшеницу посеять – посеяли, а заборонить нечем. Коровёнок впрягали, на них боронили. Людей не хватает, кормильцы на фронте, а питаться чем-то всё равно надо. Оставались ведь только бабы да молодёжь зелёная. А работки днём и ночью невпроворот. Ладно бы только в родном селе, а то и в город возили железнодорожную линию расчищать от снега. У-у-у, какие раньше каждую зиму вороха (сугробы – **П. Ч.**) были! А нынче – что это, снег разве? Мало стало выпадать почему-то, совсем мало…

Вот так и жила. На этом месте родилась, шестьдесят восемь лет здесь живу. Здоровья, жалко, уже нету совсем. Состарилась, вся сморщилась. Работала – дай Бог, а ростиком маленькая была. Всякое за жизнь случалось. Два раза под смертью ходила, да, видать, не моя была, стороной обошла. Али ангел-хранитель отвёл, укрыл своим крылышком, грешную.

– Расскажете?

– Не-е, про это не буду. Зря заикнулась. Прости, Господи! А так, и голод, и холод на моей жизни были. Крапиву, травянуху (су-

репку – **П. Ч.**) ели, в похлёбку добавляли, лепёшки из неё делали. Чёрные-чёрные получались. Ладно, что картошка была, так хоть с ней смешивали. Люди-то в округе с одной травянухи, бывало, опухали и умирали. Нас Бог миловал.

У моей мамы до войны и серёжки были, и кольца, бусы разные – всё в городе на хлеб да на муку променяла. Нам маминого-то наследства и не осталось, всё через животы прошло. А ходили в чём? Лишь бы дыры не светились. А так – белая заплатка на чёрное али пёстрая. И, глядишь, ничего, слава Богу, выжила, окрепла, троих детей родила.

С мужем-то вот долго пожить не удалось. Помер он. Так с тремя детушками одна и осталась с тридцати двух лет. Трудно было. Детки ведь стали подаваться (расти – **П. Ч.**). Но ничего, сдюжила как-то. Выкормила, выучила их. Старший мой в семь лет уже подпаском пошёл, себе на форму для школы зарабатывать. Я не пускала его, он всё равно сам пошёл. Восемь классов здесь, в Кулаково, кончил, а потом в Успенке на тракториста выучился и в совхозе работал. Дочь в Рощино работает. В аэропорту. Утром и на ночь автобус служебный возит. Каждый день ездить надо. Морока, конечно, лишняя, но что делать. Копейка даром не даётся.

Тут Аполлинария Ивановна немного помолчала, прежде чем наш разговор возобновился.

– Вчера ко мне двое ваших девчат пришли, я немного испугалась, не знала ведь, кто вы такие, видно, что не кулаковские, а почему-то пустила. Другие-то выгоняют вас, наверное. Боятся ведь сейчас люди незнакомых пускать. Не поглядят, что девчонки. Другие девчонки

ещё хуже парнишек бывают. И курят, и пьют не меньше, и обворовать запросто могут. Долго ли бабку прихлопнуть. Да ещё такую коротышку, как я. А вы, я гляжу, порядочные…

Ты давечь про наши приметы народные спрашивал?

– Да.

– Я тебе вот какой верный совет хочу дать. Ты, милый, свои волосы на волю (на улицу – **П. Ч.**) не кидай, а то птичка утащит, гнездо из них совьёт, а у тебя голова станет болеть, и волосы не будут расти. Примет разных много. Смаху и не вспомнишь.

И гадают у нас часто. Молодёжь, например, валенки кидает.

– А смысл такого гадания в чём?

– А вот в чём. В какую сторону валенок носком упадёт, в той стороне и половинка твоя живёт, там и счастье надобно искать.

А в другой раз девки да парни с завязанными глазами полено выбирают. Если корявое попалось, то и невеста али жених у тебя корявые будут, а если ровненькое – то и жена красавица, и детушки крепенькие, породистые.

В Рождество же Христово девчата из снега комочки катали в подоле. Сколько комочков скатается, столько и детей будет от любимого. А вечером в Рождество мы, кулаковские, обычно декуемся (играем – **П. Ч.**), чужие конские дуги прячем. От Рождества до старого Нового года, когда молодыми были, бегали, проказили, поленницы дров разваливали, ворота водой приморaживали. Глупые были, бесшабашные. Прости нас, Господи!

А ведь недаром говорят: не рой яму другому – сам в неё попадёшь. Года три назад мне уже самой ворота приморозили. Постарались хо-

МБУ «Централизованная библиотечная система»
Инв № 2619/2-(2)

рошо. Я утром встала, хочу на улицу выйти, а ворота-то не открываются. Я подёргала, подёргала, а открыть-то не могу, силёнки уж не те. Пришлось через огород выходить, да топором лёд сбивать.

Сейчас-то уж никакими такими выкрутасами не занимаюсь, и года, и страх Божий не позволяют. А в молодости и ряженой тоже бегала, чтоб не узнали. Тулуп вывернешь мехом наружу, лицо чем-нибудь замотаешь, и пошла. Только по голосу и узнавали. И то не всегда.

Бывало, покойником наряжались. В белые простыни завернутся, как в саван, лицо марлей обмотают – чисто покойник. Увидишь такого – сильно страшно. Некоторые так пугались, что потом даже болели.

У нас в Кулаково и в домового, грешным делом, верят. Если куда вдруг переезжаешь, то и говоришь: «Дедушка-соседушка, пошли с нами жить». В новый дом сначала всё поганое заносят: корыто, ведро поганое. Потом обязательно кошку пускают через порог. А потом уже и всё остальное хозяйство. Не нами это всё заведено, не нам и нарушать. Раз принято так исстари, значит, так и надо делать. И скотину какую если, например, купишь, в стайку её заведёшь, обязательно сказать надо: «Дедушка-соседушка, пои мою скотину и корми, не обижай родимую». Тогда она и болеть не будет, и молоко вкусное да жирное даст.

Была у нас одна женщина, не уважила домового, у неё купленная корова в первую же неделю болеть стала, постоянно мычала, сердечная, взмыленная была, а молока почти не давала, и то оно, почитай, сразу же скисало. Так-то вот.

Кулаково наше, видел, как нынче сильно строится? Куда ни глянь, новый дом стоит. Словно на дрожжах растут. Старых избушек мало осталось. Десятка три едва наберётся. А большая часть уже после войны рублена была, в пятидесятых, в шестидесятых годах, а некоторые и попозже.

Да и Тюмень здорово за последние двадцать лет выстроилась. Где теперь Дом отдыха Оловянникова, так там только болото было. И Дома обороны тоже не было. С улицы Льва Толстого начинался город, самая окраина была. И за мясокомбинатом нынешним пусто было. Сам мясокомбинат – загон да крыша, куда мы скот на убой пригоняли. Тебя тогда ещё и на свете-то в помине не было, а сейчас гляжу – колечко на пальце, женился, знать.

– Женился.

– Ну, дай-то Бог тебе счастья! Да детушек крепеньких!

Тут зашёл сын Аполлинарии Ивановны. Пора было идти на огород, полоть картошку. Мне ничего не оставалось делать, как поблагодарить за рассказ и отправиться к другому дому.

БАБУШКА КАТЯ

У бабушки Кати за месяц до нашей практики случилось большое горе: сгорел дом со всем добром. Сейчас она живёт у своего племянника. Тем не менее, встретили меня радушно, и бабушка Катя не отказалась поговорить, хотя нет-нет, да и проскальзывала в последующем разговоре горькая тоска…

– Я-то сама не кулаковская родом. Моя родина – село Усть-Ницинское в Свердловской области. Вёрст семьдесят до него от здешних

мест будет. Пешком пришла сюда в одних чирках (самодельная обувь из телячьей кожи – **П. Ч.**). В четырнадцать лет отправили меня в Кулаково на заготовки кормов для скота. С одним мужиком проработала, с бригадиром.

Хороший мужик был – отец словно. На ферму меня устроил. А я уж старалась, так работала, чтобы не стыдно было. Меня и хвалили потом частенько: «С нашей Катериной Фёдоровной не замрёшь! Смотри-ка, полный амбар кормов для свиней навозила!» Трудолюбивых-то всегда уважают.

Четвёртого числа в июне дом у меня сгорел. Загорелось, правда, не от меня, а от соседки. Я на крыльце стирала потихоньку, две верёвки завешала бельём, дыма-то и не заметила вовремя. А потом смотрю, у соседки-то стайка горит, а со стайки и дом уж занялся. А ведь накануне недели две такая сушь стояла. Так что за пятнадцать минут всё огнём взялось и сгорело до угольков.

У меня после этого с испуга рука заболела не на шутку. Закололо в ней, кожа вся побагровела. В больнице особо не вылечили, сказали, что это от нервов, от переживания. Видимо, теперь к бабкам, знающим травы лекарственные, идти придётся да святому Пантелеймону усердно молиться. Таблеток-то нынче надёжных никаких нет, да и цены на них несусветные. Ну, ничего, до осени как-нибудь перемогусь с Божьей помощью.

А к зиме я в Тавду собираюсь. Уеду туда жить до лета к дочери. Это чтоб племяннику обременительно со мной, старухой, не было. У него и своих-то полная коробочка, а домишко – не сказать, что сильно большой.

Вчера ходила на пожарище, попроведывала. Поплакала в ладошку. Обещают мне дом ставить – так это ещё когда будет. Сейчас посевная, потом уборочная, да и лес нынче дорого стоит. Ох, очень тяжело в моём возрасте пережить такое несчастье, мне ведь уж семьдесят девять лет. Сколько добра пропало! Только муки три мешка сгорело. Невольно отца с матушкой вспомнишь, чтоб поплакаться, хоть и нету их уже на белом свете.

Отец-то у меня на родине похоронен. Сейчас очень в Усть-Ницинское тянет. Ездила туда в прошлый год по Туре, вылезла из лодки на берег: вот моя деревня, вот мой дом родной. Даже всплакнула от радости. Места-то у нас там какие! Щедрые! Летом каждое воскресенье по ведру земляники приносили. Про грибы уж и не говорю.

Хотя везде ведь свои достоинства. В Кулакове, например, раньше такое пиво варили, что пьёшь – не напьёшься! Вкуснейшее! Бывало, в Святки ряженым бегаешь, зайдёшь к кому-нибудь, в таз играешь-бренчишь да песню какую-либо поёшь, а тебя встретят хозяева с поклоном да ковшик пива своего обязательно поднесут. Домов пять-шесть обойдёшь, и уже хорошенький. А иной-то, кто послабее, так, бывало, «наколядуется», что напарники его потом домой на санках доставляют.

Тогда многие здесь пиво сами варили. О покупном бутылочном раньше и не слыхивали. В лесу шишечки хмеля собирали, растили рожь, овёс, потом проращивали их, на печи сушили. Это так солод готовили. А солод потом на мельнице смелешь и пиво варишь. Отменное получалось…

Я по дому своему сгоревшему часто плачу. Попустил Господь испытание. Видать, есть грехи неотмоленные. А кошка-то, Маруська, жалеет меня, лапками-то гладит по лицу, а не царапает. Всё в глаза смотрит да мяукает. Вот и скажи, что души у животных нет. Тоже, видать, есть. Тоже ведь Божьи твари.

Вот, что-то молодость свою сейчас вдруг вспомнила.

Всё ведь сами делали. Мастеровые были на все руки. Очень многое умели. Даже куклы ребятишкам своим шили. Из тряпья. А мужики сани ладили, хряслины (приспособление для расширения саней – **П. Ч.**). Женщины же мерёгу вязали. Это у нас так невод называют. Благо, конопля здесь в своё время добротная росла. Масло из неё ещё делали. Коноплю-то изомнём, а между клиньев специальных масло бежит. Вкусное, полезное. В блюдечко его, бывало, нальёшь, солью посыплешь слегка, и макай туда хлебушко да варёной картошкой прикусывай. Вот тебе и ужин на славу.

И ткали тоже из конопли. Кросна, навой, пришва чуть ли не в каждом доме были. Хорошие ковры получались. Многое из конопли делать умели и себя одевали.

А из лыка верёвки плели, попоны, рогожки и мешки любых размеров. И в своё хозяйство, и на продажу. Вроде бы и невелик заработок, но без работы старались не сидеть. Потом на ярмарку поедем, продадим, что успели сделать. Особенно невода наши ценились, прямотаки нарасхват шли. Я ещё и кружки на пол вязала. Знаете, наверное, коврички такие из ленточек тряпичных разноцветных. Тоже заработок какой-никакой.

Ой, что-то совсем заговорилась я. Пойдёмте, я вас чаем угощу, молочка свежего попьёте с овсяными пряниками, пойдёмте.

В кухне за приземистым крепким самодельным столом рассказ бабушки Кати продолжился сам собой.

– Мы в городе-то сроду не живали, здесь привыкли жить. Люди в Кулакове в начале века неплохо жили, кто не лентяй был. Конечно, бывало потом и трудно, но кого это не коснулось? Всех подряд коснулось. Вот я, например, женщина, а и на тракторе одно время работала. Мужиков-то не хватало, в гражданскую войну их страх сколько повыкосило.

Случай в те года со мной один произошёл. На тракторе ехала, вздремнула невзначай от усталости и в колок (небольшой островок леса в полях – **П. Ч.**) забурилась. Вот делов-то было! Пока трактор вытаскивали из колка – день прошёл. Пришлось мне ночь работать, чтобы простой не записали. С этим тогда очень строго было.

А с мужем-то всего четыре года прожила. Не пожилось что-то. Сейчас он двадцать один год как уж умер. А когда разошлись, вся работа опять на мне оказалась. И мужская, и женская. Крепко досталось. Как-то выкручивалась. Сама теперь диву даюсь. В город через день бегала: молоко продать да успеть обратно вернуться. Четверть – в одну руку, четверть – в другую, одну-две четверти – в мешке на спине, и – айда километры считать. А дорога грязная, разбитая, асфальта-то ещё в помине не было. Так и идёшь по самой кромочке. По одному никогда не ходили, боялись. Раньше жулики по дорогам рыскали. Отымут последнее – и поминай, как звали.

Кур своих держала. Без этого никак. Мы ведь все ещё налог колхозу сдавали: яиц сто штук и молока сто литров.

Ничего, уж если голод, войну пережили, то и остальное всё переживём.

Вот ещё что вспомнила. В войну-то к нам калмыки и немцы с Волги были привезены. Вроде как принудительно. У них с собой ничегошеньки своего не было. Но духом не упали. Калмыки себе мазанушки на свой манер слепили – домики такие из хвороста и глины. Да можете сами поглядеть, до сей поры на том конце села осталось несколько. Правда, никто в них уже не живёт, слишком ветхие и махонькие. А как война окончилась, калмыки постепенно все обратно в свои края подались.

А вот немцы, те здесь прижились. И сейчас живут, хозяйство крепкое появилось. А главное, традиции свои национальные сохранили и всегда вместе держатся. У них и свадьба, и похороны, и праздники по-своему проходят, по-немецки. Когда похороны, у них оркестра нет, сами поют. Грустно так, но красиво. В Кулаково-то у них целый хор, человек двадцать в нём точно есть. Если где в округе немец умрёт, то сюда за ними обязательно приезжают, чтобы ехали петь. Молодцы, дружно живут, потому и не пропали в трудное время. Плечом к плечу держались.

Ладно. И мы не пропадём с Божьей помощью.

Вот только дом сильно жалко, тридцать три года в нём прожила…

КУЛАКОВСКИЕ УЛИЦЫ

Бывая раньше в Кулакове, всё время с интересом думал: «Какие-то не совсем обычные названия у некоторых улиц!». Улица Семёновых,

улица Киселёвых, улица Суворовых… Кто такие? Вполне возможно, размышлял я, что названия исторические, давние, по фамилиям наиболее именитых семей. Купеческих, например.

Оказалось совсем иначе. Названия этим улицам даны действительно в память семей, живших в Кулакове, но не купеческих (тут моя догадка не оправдалась), а тех семей, чьи отцы и сыновья не вернулись с Великой Отечественной войны.

Ранее же улица Семёновых, например, называлась Большой Трактовой. Именно по ней проходил когда-то Ирбитский тракт. Жители Кулакова называют её ещё «протяжной» или «протягом» по той причине, что она идёт через всё село от начала до конца, соединяя Кулаково и Гусельниково.

У улицы Киселёвых тоже раньше было своё особенное, даже несколько необычное название: Рубеж. Причём с ударением на первом слоге. Она крайняя, почти у самой Туры. Вероятно, отсюда и Рубеж.

КАМЕНКА

За Кулаковом на двадцать втором километре заканчивается асфальтированный участок старого Ирбитского тракта – далее он представляет собой улучшенную грунтовую дорогу. Новый участок тракта проложен в объезд села на возвышении, и именно по нему следует основной автотранспортный поток. Отсюда открывается живописный вид на пойму Туры, но наш автобус, не останавливаясь, движется дальше, и вскоре начинаются стройные сосновые леса. На одной из опушек скромный

указатель сообщает, что начинаются земли совхоза «Каменский».

Массив обширного сосняка справа отделяет тракт от Туры, которая в обрамлении краснотала, плавно изгибаясь, уходит к левому краю своей долины. На правом берегу виднеются долговременные культурные пастбища.

Сразу за сосновым лесом на крутом берегу Туры, в устье речки Каменки, лежит старинное село с таким же названием, появившееся на сибирской земле почти в одно и то же время, что и соседнее Кулаково.

В девятнадцатом веке в Каменке была важная почтовая станция, волостное правление. Крестьяне села, не оставляя привычного землепашества и скотоводства, охотно занимались различными мелкими ремёслами: изготовлением деревянной посуды, мебели, экипажей, шорных изделий, мочальных верёвок и рогож для упаковки товаров, регулярно перевозившихся по тракту.

Местные изделия с успехом продавались на торжках-ярмарках – многочисленных местных и Ирбитской, откуда попадали как в европейскую Россию, так и в Восточную Сибирь. Многие каменские крестьяне занимались извозом, добирались до Казани и даже до Москвы, а на востоке – до Кяхты. Некоторые, бывало, так богатели на транспортных операциях, что, в конце концов, без особого сожаления оставляли ямщицкое дело и записывались в купеческое сословие (это разрешалось).

Далеко за пределами Сибири славились тюменские ковры, изготовление которых началось в начале восемнадцатого века именно в Каменке. Есть предположение, что местное ковровое дело начали беглые крестьяне села

Палех Владимирской губернии, осевшие именно здесь.

Ткать ковры вскоре стали и в окрестных деревнях: Кулиге, Насекиной, Коняшиной, Луговой и в других. Ковры достигали Петербурга, Варшавы, попадали далеко за границу России.

Когда А. Н. Радищев возвращался в 1797 году из сибирской ссылки, то он записал в дневнике об увиденном в деревне Вилижаниной (на Тобольском тракте): «Тут девка продавала ковры из села Каменского, где их все делают и продают оные проезжающим, как баранки на Волдаях».

При изготовлении ковров для крашения нитей использовали в основном краски из местных растений: ивы, ольхи, крушины, калины и трав «зеленицы» и «серпухи».

Ежегодно в селе восьмого июля устраивалась Прокопьевская ярмарка, а двадцатого июля (по старому стилю) – Ильинский торжок.

Но не только в дни ярмарок в селе было людно. В большие праздники в Каменку обязательно стекался народ из окрестных деревень в церковь Покрова Пресвятой Богородицы, построенную в 1825 году.

Церковь в Каменке красивая, пятиглавая, с двумя приделами. Расположенная на главном возвышении села, она видна из любой точки Каменки: белоснежная, с зелёными куполами и позолоченными крестами. В известное время её тоже не миновала несправедливая участь многих русских церквей: она была до основания разорена, и долгие годы в ней располагались то совхозный склад, то поселковая электростанция.

Ныне, слава Богу, всё вернулось на круги своя. Церковь полностью отреставрировали;

появился новый, пока что ещё скромный иконостас. Вот только священника своего местного покуда нет, поэтому проводить службы приезжает батюшка из Тюмени, из Парфёновской Трёхсвятской церкви.

А вот ещё несколько интересных фактов.

В Каменскую церковь Покрова Пресвятой Богородицы с восьмого по десятое июля по старому стилю приносили на руках икону Спасителя из Тюменской Спасской церкви. Великое множество людей из всех окрестных деревень стекалось на поклон иконе в те три дня.

А в конце семнадцатого века в Каменке появились христиане-раскольники, хранители «старой веры», бежавшие в Сибирь от гонений никонианцев. Но и здесь их преследовали местные власти, принуждая принять новую веру. В качестве протеста староверы нередко избирали самосожжение, причём проводили это массово. Известно, что в 1687 году, в день Пасхи, в старом здании каменской церкви сожглись аж четыреста человек. Нынешние жители помнят лишь смутные слухи об этом, которые слышали ещё от своих дедов и прадедов.

РЕЧКА КАМЕНКА

Именно этой небольшой речке, длиной всего-то около четырёх километров, текущей в широком овраге и впадающей в Туру, и обязано село своим названием. Хотя, например, историк Пётр Буцинский писал: «Это село справедливо было бы назвать Усольским, потому что основано оно было посадскими людьми – «усольцами». В 1623 году в этом селе уже было шесть дворов посадских лю-

дей, один двор попа, у которого жили дьячок и пономарь. Но как и посадские, так и прочие – все были «усольцы», то есть переселенцы из старинного города Усолье на Каме (теперь Пермская область)».

Значит, сильно приглянулась первым жителям эта тихая, красивая речка, если решили они в честь неё дать название и своему селу.

Начинается речка Каменка в болотистом овраге за деревней Кулигой. Ещё в давние времена на речке устраивались запруды, стояло четыре водяных мельницы. Есть и теперь пруды у Кулиги и Каменки, однако, как ни жаль, за ними нет постоянного рачительного присмотра. Лишь сравнительно недавно, в самом начале девяностых годов двадцатого века, на речке Каменке в районе села, почти у самого устья, сделали прочную дамбу, в результате чего оказалась запруженной значительная часть оврага. А в последние лет пять-шесть этот искусственный пруд был зарыблен карпами.

Въезжая в Каменку, рейсовый автобус разворачивается на вершине одного из двух холмов, на которых просторно расположилось село. Отсюда просматривается почти всё селение. Разве что кладбищенская околица не видна: скрылась за небольшим изгибом улицы. Я выхожу из автобуса. Здравствуй, Каменка!

Местные жители, стоящие возле остановки, миролюбиво и с любопытством разглядывают меня: новенький, городско-ой. Хорошие, добрые люди живут в Каменке! К любому из них подходи и говори, о чём хочешь. Но меня интересуют бабушки, невольные верные хранительницы местного диалекта. Где-то полчаса спустя мой целенаправленный поиск увенчался успехом.

БАБА КАША

Эх, ну что за человек эта баба Каша! Мировой! Чего она только не знает! Целый учебник запросто можно написать с её слов по истории Каменки двадцатого века. И к тому же – очень гостеприимная. Без лишних расспросов провела в дом, усадила и твёрдо заверила, что сейчас же обязательно обо всём расскажет, мол, жизнь у неё на разные случаи богатая была, за семьдесят девять лет всякое бывало. Села рядом на табурет и неторопливо начала.

– Отец-то мой беда рано помер, в двадцать восьмом году, от туберкулёза скончался. Мне тогда только тринадцать лет было. И в те же где-то дни, надо ведь было так случиться, моя сестра старшая Евгения обожглась сильно. Две недели в больнице пролежала, её всё бинтовали, бинтовали, бинтовали… Не помогло. В больнице тогда беда худо лечили, да и врачей путных не было. Прошлые – кто сам успел уехать, кого власти извели, а своих новых на замену ещё не обучили. Семнадцать лет ей было, сестре-то. Вот так и понесли двоих хоронить: отца и дочь. Они и в церкви-то вместе рядком лежали на отпевании, ещё успели их по-божески схоронить, потом прикрыли всё это дело. Попов разогнали, церковь закрыли. До чего же жалко…

Одна я у матери осталась одинёшенька. И не училась совсем.

– А что ж так?

– А когда?! Всё водиться с кем-нибудь из мальцов деревенских заставляли. С одним, бывало, только вывожусь, а уж по соседству другой голосит благим матом.

Когда в Каменке коммуна образовалась, мы с мамой на пару пошли записываться. Деваться было некуда. Нам тогда беда трудно стало жить, без отца-то. Нынче-то всё совсем не так. Где же! Царь раньше так не жил, как теперь некоторые проныры. Всё тянут, тащат. Кажный день воруют, деньги копят. А всё им мало. Нет, не было раньше такого. Хоть режь меня – не припомню такого нахальства бесстыжего. Мне это беда как не нравится!

А в колхозе-то меня, слышь, только «Правдой» звали. Никак иначе. Всегда за неё стояла. Справедливость во всём любила. Кажный день не ленилась, ходила проверять конюшни: не наведались ли туда жулики какие. Колхоз-то у нас назывался «Заветы Ленина», вот я его заветы и выполняла.

Росла, помню, не по годам. Сама иногда беда дивилась этому. Развитие и соображение у меня хорошие были, а сейчас толку совсем нету. По одному делу, бывает, по десять раз хожу. А в селе вообще стараюсь как можно реже показываться, только до магазина и назад. У меня ведь и надеть даже теперь нечего, поизносилась вся, изремкалась в одёжке. Да и к тому же до сих пор корят меня некоторые за мою правду-то. Не любит народ, когда ему на его же грехи другие указывают, глаза открывают. А мне себя не переделать. Раз уж я такой по воле Божьей уродилась, такой правдолюбкой и в гроб лягу. Бог простит, коли где малость палку перегнула.

– А потом что же, так и не представилось возможности учиться, когда подросли?

– Ну, почему же, в молодости, было дело, меня посылали на курсы трактористов в Кармак. Тогда, однако, ещё не было тракторов в

Советском Союзе. Ладно, что на первых порах американцы с ними помогли. На курсах-то много грамоты в те года не спрашивали. Научилась, в общем, трактористкой стала в колхозе. Потом другие трактора появились, большие. Наши уже. А на них у меня не хватает годов-то. Но меня не выгнали из отряда, людей не хватало, а я к тому же и работала качественно, не чета некоторым.

Позже меня как одну из лучших работниц в Тобольск отправляли на курсы комбайнеров. Я, слышь, туда приехала, а меня и не приняли. Документы у меня, конечно, хорошие, всё чин чином, но вот грамоты опять-таки никакой. А я что, как беспельтюк (глупый человек – **П. Ч.**), буду там сидеть? Нет, конечно. Обратно поехала.

Так и не пришлось мне в жизни грамоте выучиться. По нынешний день, хоть верь, хоть не верь, читать нисколько не умею, газеты не выписываю. А эти вот, что на столе лежат, не мои. Так, кто-нибудь если заходит, то оставляет иногда по забывчивости, а я по случаю картинки в них смотрю, да ещё по хозяйству если что завернуть требуется, то их беру.

Бог с ними, с буквами этими. Всю жизнь и проработала, зато уж на совесть – никто меня на этот счёт не попрекнёт. Лени на загривок не давала сесть да ножки свесить. Вот так.

Церковь-то нашу видел? Покровская. Недавно отремонтировали. Правда, колоколов ещё нету. Ну да ладно, и без того хлопот много было. Позднее установят. Обязательно. Храм без колоколов, что наш народ без песни. Так что «заговорит» колокольня. В ней долгое время склад был, в одном из приделов цемент хранили, а он, видать, сырости в себя набрал и как камень сделался. Долго же, когда до церк-

ви руки, наконец, дошли, его отскабливали. Повозились мужички с ним. Теперь церковь – всем на радость, как в былые времена. Загляденье просто. Спасибо добрым людям. Вот бы дожить до того дня, когда колокола поставят. Всё мечтаю хотя бы перед смертью колокольный звон послушать.

А я ведь ещё помню, как здесь крестили, венчали. Ох, однажды две богатые семьи породниться решили, вот это свадьба так свадьба была! Я ещё совсем маленькая бегала, лет пяти, а помню. Невеста-то в платье красивом до пят, в украшениях вся, с фатой длиннющей, а жених в костюме, кудрявый, а на ногах обувка добротная, блестящая. Прямь-таки франт.

Как к церкви-то близко стали подходить, перед ними родственники начали расшитые полотенца расстилать, а они идут под руку, важные такие, радостные, и за ними опять же их родственники пряники, конфеты, сладости там разные кидают. Это обычай такой, чтобы у молодых жизнь такая же богатая, щедрая да сладкая была.

А нас, сопляков-то, что, – нас лишний раз звать-приглашать не надо! Тут же в ногах взрослых крутимся, всю эту вкусноту себе в подол собираем. Ещё и подраться из-за лишнего пряника или леденца успеваем.

А в конце двадцатых всё прахом пошло. Как ещё церковь не снесли только! Было время – года сейчас точно не помню, но внутри церкви тогда колхозный склад помещался, – так вот в куполах-то церковных пчёлы себе место облюбовали. Стали там жить, словно в улье. И вот, слышь-ка, чего однажды приключилось. У кого-то из нашенских мужиков ума хватило: собрались несколько и решили купола

снять, чтобы, значит, мёд достать. Как-то верёвки умудрились прикрепить и стали тащить, может, своими силами, а может, и с помощью трактора.

Купол, понятное дело, свалился и – на куски. Пчёлы оттуда тучей вылетели, разъярённые, покусали многих. А мёду-то и не оказалось. Было, конечно, немного, но когда купол упал да развалился, соты сломались, и он весь вытек на землю.

Старые люди, помню, про себя да между собой сильно тогда возмущались, что так церковь попортили, но кому что скажешь, ремонтировать-то всё равно никто не будет. А что натворили по глупости, то быстро никак не поправишь. А стал бы если кто-нибудь укорять за хулиганство беспутное, то на такого сразу же с десяток охотников набралось, чтобы рот заткнуть.

Ещё одна большая беда была. Пожар. На моей памяти – всем пожарам пожар. Эта горка, где я живу, вся выгорела. Дотла. А ведь наша-то улица в те годы главной была, по ней тракт проходил на Тюмень. На ней почти все дома стояли двухэтажные. Богатые люди в них раньше жили, хозяйственные. А вот возьми да и приключись пожар в одно лето. Дом за домом – всё и погорело. И людей близко не оказалось, все в полях. А старики да дети малые что сделают. У кого свиньи да другой какой скот был, так в пожар вся эта живность словно сдурела. Ей-богу! Её спасаешь, скотину-то, в сторону гонишь, прочь от опасности, а она, как безумная, сама в пекло лезет, бежит-скачет прямо в огонь с криком-визгом. Ужас, да и только!

Вот потому теперь и домов-то старинных двухэтажных на этой стороне нет. Новая застройка вся одноэтажная.

Ну и праздники у нас тоже, конечно, были. А то подумаешь ещё ненароком, что в Каменке сплошь горемыки да лихоимцы подобрались. Нетушки! Не всё же бедовать да горевать. Веселиться от души мы тоже умели, и гадать. Вечёрки бывали часто. Правда, пока мы маленькие были, нас на них не пускали, только потом, когда мы уж постарше стали.

А гадали-то у нас так. Соберутся как-нибудь девки, пойдут ночью к старой полуразрушенной кузнице на краю села голоса слушать. Дверь там была давно уже без петель – её просто прислонят к проходу, и всё. А сами упадут на коленки и слушают, кому и что в тишине померещится. Кругом темень непроглядная. Но без приключений тоже не обходилось.

Однажды парни, видать, прознали, в какую ночь туда девки пойдут, и раньше их туда прибежали. Затаились, испугать решили. Пришли девчата, ни о чём не догадываются, сели на колени прямо за дверью. А парни этого не знали, думали, что они дальше отойдут, и опрокинули тесовую дверь внутрь кузницы, чтобы испугать. А дверь-то прямо девчонкам на пятки упала. Ох, и крику среди ночи было! И от испуга, и от боли. Все собаки в Каменке залаяли. Наверно, половина села проснулась. Парням тогда беда сильно досталось, здорово девчонкам ноги зашибли: те, наверно, полмесяца ходили, хромая.

А ещё иначе гадают. Молодые девчата захотят, например, узнать, каким у них муж будет, соберутся опять-таки глубокой ночью и идут в чью-нибудь стайку баранов за мужское место ловить.

Какое это место у барана попадётся – такое и у мужа её будет. Большое – так большое, а маленькое – так не обессудь, сама выбрала.

И опять же один парень как-то прознал, в какую они стайку пойдут, пробрался вечером, разделся догола и спрятался меж баранов. Ой, смех! А девки что? Пришли: выбирать, щупать стали. Одна-то из них у этого парня между ног и ухватила. Сперва-то не сообразила: «У-у, какой добрый попался!» – говорит, а парень, не будь дурак, молчком развернулся в темноте и обхватил её крепко. Даже поцеловать успел да потискать, где надо. Ох, как она завизжала! Всех овец перепугала. Как-то вырвалась потом от парня, и все убежали без оглядки.

Девчонки над ней потом долго подсмеивались: «Ну, как, хороший барашек попался?!» Пока та замуж не вышла. А так судьба распорядилась, что она именно за этого парня и вышла, за «барашка» своего. И не покаялась. Видать, и правда, добрый попался: трёх детишек настрогал. Вот ведь как в жизни бывает.

А хочешь, я тебя свежей простокишей (простоквашей – **П. Ч.**) угощу с вареньем?! Ты его туда намешай. Очень вкусно. Как «коктэля» получается. Я сама так кажный день пью, мне беда нравится. А потом я тебе ещё что-нибудь интересное расскажу…

С бабой Кашей можно разговаривать бесконечно долго. Кстати, на самом деле её зовут Клавдия Ивановна Мелкобродова. А бабой Кашей сначала её принялись звать маленькие ребятишки, которые не могли выговорить имя Клаша. А вслед за ребятнёй и всё село постепенно подхватило и стало величать Клавдию Ивановну бабой Кашей – приклеилось крепко, навсегда.

КУЛИГА

Последним пунктом диалектологической практики оказалась деревня Кулига, расположившаяся неподалёку, в верховьях речки Каменки. Кулига, как и Кулаково, состоит из двух соединившихся деревень – собственно Кулиги и Сорокиной. Деревня Сорокина, видимо, названа по фамилии первопоселенца, а вот с Кулигой дело обстоит иначе и интереснее.

Слово «кулига» в разных местах Сибири имело различный смысл: это и большая поляна в лесу, и низкое место, заливаемое водой, и небольшая речка, текущая из болота, а в девятнадцатом веке в Тобольской губернии так называли небольшую рощу. Даже если теперь пристально осмотреть окрестности Кулиги, то ей любое из перечисленных значений полностью подходит. Тут и рощицы, и речка, текущая из болота, и поляна в лесу – всё есть.

И Кулига, и Сорокина были построены много позже Каменки. Но Кулига была достаточно крупной деревней. Уже сто двадцать пять лет назад в ней насчитывалось двести шестьдесят дворов и жило более тысячи человек, но к началу двадцатого века люди стали отсюда разъезжаться.

И по сей день жители деревни стараются перебраться ближе к городу, хотя бы в соседнюю Каменку. Там и школа есть, и церковь, и магазинов больше, да и автобус рейсовый чаще ходит. Так что и старушек коренных в Кулиге практически нет. Впрочем, что же мы всё о старушках? Можно и с кем другим поговорить.

КУЛИГИНСКИЕ ПАЦАНЫ

Между Каменкой и Кулигой, если идти берегом речки, – живописнейшие места. Тут есть и прекрасные укромные заводи для купания – я сам не однажды купался в Каменке. Вот и теперь решил сходить на тот небольшой пляжик в полукилометре от Кулиги.

Подхожу и вижу, что не один я полюбил это место: полдюжины ребят разного возраста шумно плескались в воде, играя в «шквару» старой поролоновой губкой. На берегу метрах в девяти от речки горел небольшой костерок. Я присел у огня возле скинутых в кучу ребячьих вещей. Опёрся на локоть, гляжу на них, даже «болею» за кого-то.

Заметив меня, ребята ничуть не смутились, поиграли ещё некоторое время и только потом стали выходить к костру, отдыхать да греться. Неспешно шагают навстречу мне и все, как один, нагишом и незагорелыми частями тела сверкают.

– Здорово, земляк. А ты к нам, что ли? – спросил самый старший из них, лет тринадцати-четырнадцати, по-деловому, без всякого стеснения.

– К вам, – добродушно ответил я.

А самый младший из компании после рукопожатия с несколько нахальной гостеприимностью предложил:

– Слышь, ты, картошки печёной хошь?

Я согласно кивнул.

– Ну, как вы тут живёте-можете? – спрашиваю, обводя их приветливым взглядом.

– Да помаленьку, – просто отвечает белобрысый коренастый паренёк со свежей ссадиной на ноге. – Каникулы ведь. Что хочешь, то и делай.

– А вы всегда так, голыми купаетесь?

На что старший, откусывая от картофелины горячий кусок, буднично ответил:

– А что такого? Кого нам стесняться-то здесь, коров, что ли? А голым-то куда удобнее себя в воде чувствуешь. Так что нормально. Девчонки сюда в это время не ходят. Да если бы и набрели вдруг – ничего страшного. Мы же ещё не мужики. Скрывать-то особенно нечего. Мохнатка какая-никакая, что внизу живота, сам ведь видишь, только у меня одного пока имеется, с год назад расти начала, а остальные-то совсем салаги – пятиклашки да третьеклашка один – они вовсе снизу ещё лысые.

Остальная ватага, слушая своего старшего приятеля и с аппетитом уплетая картошку, после этих слов коротко и бесхитростно рассмеялась.

Я хотел спросить их ещё о чём-то, но у меня в руках каким-то образом оказалась зелёная эмалированная кружка с густо заваренным чаем – это подоспел чайник, а пацаны сами наперебой стали рассказывать о летнем мальчишечьем житье-бытье, вплетая в рассказы свои незамысловатые ребячьи фантазии.

Вот такие они, кулигинские пацаны. Замечательные, подумалось мне, парни из них могут вырасти, надёжные. Очень хочу в это верить. Вот только куда закинет их судьба? Останутся ли они в родной деревне или же, как многие, тоже подадутся устраивать жизнь в близкий город?

Об этом тогда говорить было ещё рано.

На этой же встрече у костерка на берегу пруда завершилась и моя восьмидневная «одиссея» по деревням и сёлам Тюменского района. Практика подошла к концу. На следующий день сто двадцать шестой автобусный маршрут уже без меня отправился по своему привычному пути: Кулаково – Каменка – Кулига.

МЕСТО ССЫЛКИ – ЮГРА

краеведческий очерк

Одна из героинь этого очерка, Анастасия Михайловна Холодова, родилась 11 ноября 1924 года на Среднем Урале, в селе Невьянском Алапаевского района Свердловской области.

У её деда, главы семейства Холодовых, Александра Игнатьевича и бабушки Фёклы Даниловны было трое сыновей – Михаил, Иван и Афанасий – и две дочери – Александра и Анна.

Жили все вместе, одним дружным домом. Работали с раннего утра до позднего вечера, как это и заведено испокон веков на Руси в большой крестьянской семье. Чтобы прокормиться, держали коров, лошадей, мелкую скотину, птицу. Непременно сеяли хлеб, выращивали овощи. Работать умели хватко, хозяйство держали крепко. Наёмных работников никогда не держали – всегда своих рук хватало, к тому же женщины своим мужчинам старались ни в чём не уступать, трудились наравне с ними.

Чёрная полоса для династии Холодовых наступила в 1929 году.

Александр Игнатьевич – участник Гражданской войны, воевавший в Чапаевской дивизии, был человеком крутого характера, за словом, как говорится, в карман не лез. Его отличали прямолинейность и справедливость во всём. Недаром односельчане дали ему говорящую фамилию-кличку Жабреев. Есть на Урале такое сорное растение жабрей, которое просто так голыми руками не ухватишь – обязательно уколешься. Вот за это обострённое чувство справедливости дед Анастасии Михайловны и по-

платился: в 1929 году забрали Александра Игнатьевича и увезли за тысячи вёрст от родного дома. На Соловки.

В этом же году, когда Анастасии Михайловне было всего четыре года, а младшему братику Вите только месяц, случилось ещё одно непоправимое несчастье: умерла их мама Александра Александровна.

А чёрная полоса всё не кончалась.

Овдовевшему Михаилу Александровичу предложили вступить в колхоз. Со всеми вытекающими из этого сомнительного для крестьян нововведения последствиями: всю свою скотину и землю в добровольном порядке надлежало навсегда передать в распоряжение колхоза. Михаил Холодов ответил отказом.

В этот же день их семьи напрямую коснулась однозначная угроза скорых репрессий.

Не дожидаясь их последствий, младшие братья Михаила Александровича, Иван и Афанасий, ночью тайком сбежали из дома. Поехали строить железную дорогу то ли в Туркестан, то ли ещё куда-то на юг.

Позднее, уже в тридцатых годах, Иван осмелился вернуться в Невьянское, но его как «врага народа» без суда и следствия расстреляли. А Афанасий так безвестно и сгинул, никто из родственников о нём ничего определённого больше не слышал. Одно время ходил неуверенный слух, что, мол, кто-то где-то встречал его на фронтах Великой Отечественной войны, но и тот вскоре угас.

Вскоре после побега братьев Михаила Александровича за несогласие вступить в колхоз объявили кулаком, отобрали весь скот, землю и

выдворили из дома семью (на тот момент Холодовых было семеро, в том числе и двое малолеток – Настя и Витя), запретив что-либо взять из домашней утвари. Приютила их семья сердобольных стареньких односельчан в своём маленьком домишке.

Насильно и несправедливо разрушенный прежний уклад жизни не сломил и без того обездоленную недавними несчастьями семью, не заставил в унынии и смирении безвольно опустить руки и отдаться течению жестокого времени.

Анастасия Михайловна вспоминает, что отец в первый же месяц после раскулачивания устроился работать бухгалтером в одну из торговых точек в родном селе. С образованием обычной провинциальной церковно-приходской школы он был на редкость грамотным человеком, с удивительно красивым почерком.

Этот факт с уверенностью подтверждают и внуки Михаила Александровича, которые много позднее не единожды перечитывали дедовы фронтовые пожелтевшие и потёртые от времени солдатские письма-треугольчники.

Но очень не долгим было относительное спокойствие для Холодовых после пережитых потрясений. В январе 1930 года Михаила Александровича определили в ссылку. Всю семью в самые лютые морозы спешно погрузили на подводы со многими сотнями таких же, как они, бедолаг. По всей округе всех неугодных, незаслуженно объявленных кулаками, заклеймённых «врагами народа», сгоняли навсегда с насиженных, обжитых собственным каждодневным трудом мест, отобрав всё, что ещё не успели отобрать, даже детские вещи.

И отправились самые хозяйственные, самые выносливые, умеющие и любящие трудиться россияне-уральцы, у которых крошка хлеба даром не пропадёт, изгоями в полную неизвестность. Пятилетнюю Настю и годовалого Витю вместе с бабушкой Фёклой Даниловной посадили в плетёную кошёвку, взрослые – своим ходом, и двинулся длинный мрачный обоз, сопровождаемый горестным людским плачем, через Урал от берегов родной реки Нейвы на Север. В неведомую чужую для них Югру.

В соседней с Невьянским деревне Михалёвой у Анастасии Михайловны жила бабушка по материнской линии Марфа Гурьяновна Брусницына. Рано овдовев, оставшись одна с пятью дочерьми, она сама сполна перенесла все тяготы и невзгоды тех лет. Когда обоз ссыльных ненадолго остановился в Михалёвой, Марфа Гурьяновна отыскала семью зятя и забрала к себе годовалого Витю. Увозить малыша на Север было бы равносильно смерти.

Детская память – цепкая, яркая, в особенной степени, когда это касается самых памятных дат. А у тех времён, без преувеличения, каждый день жизни, отвоёванный у смерти, – памятный. Это сейчас у восьмидесятилетней Анастасии Михайловны память слаба на события, которые происходят в стране в настоящие дни, – порой даже самые значительные могут нечаянно забыться, но то, что было семьдесят-семьдесят пять лет назад, когда она была девочкой Настей, помнится до самых мельчайших подробностей.

Всю долгую дорогу на Север взрослые шли пешком, лишь дети и немощные старики на са-

нях. Останавливался обоз ссыльных на отдых или ночлег где-нибудь по пути следования. Если попадалось какое-то жильё, то детей, как самое драгоценное, что ещё осталось у этих лишённых всего людей, устраивали на ночлег в тепле, а остальные коротали бесконечную зимнюю ночь под открытым небом. Сколько российского люда осталось навсегда лежать окоченелыми вдоль этих таёжных, проторенных горем и безысходностью дорог, никто никогда не считал. Все человеческие потери равнодушно списывались и легко оправдывались одной формулировкой-приговором – «враг народа».

Когда изрядно поредевший обоз, наконец, прибыл к месту ссылки в Кондинский район, семью Холодовых, в числе многих других определили в небольшую мансийскую деревню Евру Сатыгинского сельского совета. Расселяли измождённых тяжёлыми ежедневными переходами крестьян по избам местных жителей. Три семьи, в том числе и семью Михаила Холодова, поселили в доме на три комнаты к супругам-манси Даниле и Марфе Чейметовым.

С 1930 по 1937 годы все взрослые ссыльные под жесточайшей охраной сотрудников комендатуры строили среди тайги для своих семей новые поселения. В течение этих семи лет были построены пять посёлков, в которых проживали только репрессированные: Мало-Новый, Сумпанинский, Ягодный, Совлинский и Дальний. На современной карте Ханты-Мансийского автономного округа только три последних из названных существуют и ныне как память-укор тем годам.

До весны 1931 года югорские «новосёлы» жили в Евре, а после схода льда на лодках через

Туманы (есть такая система озёр в Кондинском районе: Утанах, Потонах, Устетер, Левка) поплыли семьи ссыльных на своё новое место жительства. Поплыли, по-прежнему не теряя надежды, что когда-нибудь обязательно вернутся из Югры домой, на Урал. Вот только когда?..

Анастасия Михайловна по ходу воспоминаний рассказала случай, когда небольшая группа детей-подростков решила сбежать домой с помощью местного паренька-манси. Реальность этого события подтверждает и опубликованная в девяностых годах в окружной газете «Новости Югры» небольшая статья, в которой известная мансийская сказительница Анна Митрофановна Конькова в свою очередь упоминает, как в тридцатые годы её брат перевёл через глухие урманы группу ссыльных подростков, которые сбежали домой.

Среди этих ребят были и тёти Анастасии Михайловны, младшие сёстры Михаила Холодова, Анна и Александра. Благополучно добравшись до родного дома, они были тут же арестованы, но судьба решила смилостивиться над ними: их оставили на Урале, отправили работать на завод в Нижний Тагил.

Через некоторое время Анна всё же вернулась к остальным родственникам на берега Конды, а у Александры судьба сложилась иначе. Она вышла замуж за военного, поменяла не только фамилию, но и имя (настолько силён был страх после всех мытарств), став Елизаветой Мельниковой, прожила всю жизнь на Урале, умерла в пожилом возрасте.

А на Конде всё оставалось по-прежнему. Жилось неимоверно тяжело. Был неусыпный кон-

троль над поселенцами, а режим работы на износ. Причём для каждого определялась своя конкретная норма выработки: что на лесозаготовках, что на добыче рыбы, что в поле. С утра до вечера рыбачили, заготавливали древесину, раскорчёвывали леса под поля, пахали, засевали хлебом, овощами. Возделанная трудолюбивыми умелыми крестьянскими руками земля благодарно отзывалась на упорство и неослабевающие старания ссыльных, из года в год давала прекрасные, небывалые для Севера урожаи.

И так же из года в год каждый вечер все репрессированные были обязаны приходить и отмечаться в комендатуре.

Был глубоко потрясающий своей бесчеловечностью случай, произошедший в посёлке Дальнем, в котором находились два коменданта: Пахтусов и Горланов (про последнего поселенцы между собой вполголоса говорили, что «по шерсти собаке имя дано»). Зимой один из ссыльных, чтобы накормить троих голодных детей, тайком пошёл в Евру, где надеялся обменять свои хромовые сапоги хоть на какую-нибудь еду. Уже возвращаясь с полным ведром ершей, которые ему удалось выменять на сапоги у местного населения, он был подкараулен и застрелен Горлановым. Убитый для наглядного примера остальным несколько дней пролежал в тайге. Под угрозой расправы никого к нему не подпускали и всем запретили приходить на его похороны.

В 1934 году отца Анастасии Михайловны отправили из Дальнего в Нижний Тагил на строительство Магнитки. А уже через год Михаила Александровича направили в Москву на Выставку достижений народного хозяйства, где

проходил съезд стахановцев. В 1936 году он пешком пришёл обратно в Дальний. Вместе с ним был и подросший сынишка Виктор, которого он по пути забрал от тёщи из Михалёвой. В этот же год пришёл из соловецкой ссылки дед Анастасии Михайловны, Александр Игнатьевич, пробыв на каторге долгих семь лет.

Работящий, смекалистый и хозяйственный был глава семейства Холодовых. Соорудил в посёлке ссыльных мельницу, придумал механическую тёрку, при помощи которой, чтобы ничего даром не пропало, перерабатывались большие урожаи картофеля на крахмал.

Жить бы да жить Александру Игнатьевичу, но, видно, сильно кому-то мешал своей несгибаемой волей и жизнелюбием шестидесятилетний уралец. В горькопамятном для сотен тысяч российских людей 1937 году на одном из буксировочных пароходов (а таких в то время по Конде ходило только два – «Урал» и «Гашунин») увезли его, а куда – никто из родных так и не узнал почти до конца двадцатого века.

В Дальнем школы не было, лишь в Совлинском была «семилетка». Все дети из окрестных посёлков ходили туда пешком. Ходила и Настя Холодова. В 1940 году окончила в Совлинском семь классов, а восьмой класс оканчивала уже в селе Нахрачи (ныне Кондинское).

18 июня 1941 года молоденькая шестнадцатилетняя Анастасия Михайловна вместе с другими выпускниками возвращалась после окончания школы на гребных лодках по Конде, по Туманам. А уже 23 июня, на второй день после начала Великой Отечественной войны, всех без исключения подростков определили на работу

в колхоз. Сначала заготавливали сено, веточный корм для скота, затем наступил черёд уборки урожая.

До самой поздней осени, до ледостава работала Анастасия Холодова в колхозе, а 11 ноября, как раз в день её рождения, пятнадцати-семнадцатилетних подростков из семей ссыльных пешком направили на лесозаготовки за сорок километров от Дальнего вверх по Конде. По Туманам шли по щиколотку в воде, которая выступала поверх льда. Всю долгую северную зиму, до 16 апреля 1942 года, работали подростки в тайге. В Дальний пришлось возвращаться тем же путём и опять своими ногами. Не успела Анастасия Михайловна после полугодовалой разлуки как следует повидаться дома с родными, как отца забрали на фронт.

Мужчин из числа сосланных на фронт в 1941 году не брали, считали их неблагонадёжными. Лишь в 1942 году в Омске сформировали 20-ю Сибирскую дивизию, которая в основном была укомплектована бывшими кулаками и прочими «провинившимися» перед Советской властью. Забрали всех мужчин, и мало кто из них вернулся живым. Подавляющее большинство погибло под Сталинградом.

Отец Анастасии Михайловны воевал рядовым 76-го гвардейского отдельного истребительного противотанкового дивизиона. Был награждён орденом Великой Отечественной войны первой степени. Погиб Михаил Холодов 15 декабря 1943 года под Невелем, что на Курско-Орловской дуге.

С фронта Михаил Александрович писал дочери, чтобы обязательно, несмотря ни на что,

училась. В феврале 1944 года Анастасия Михайловна пошла учиться на курсы трактористов в МТС, которые были организованы в деревне Леуши, а весной, в конце апреля, она наравне с другими уже пахала поля. Работала на таком тракторе, который нужно было топить деревянными чурочками. Пока есть чурочки – трактор работает, кончились – трактор сразу же встал. Так Анастасия Михайловна трудилась до конца весны 1946 года, а 18 июля вместе с подругой тайком уехала на колёсном пароходе в Ханты-Мансийск учиться.

В окружном центре у Анастасии Холодовой началась совершенно другая жизнь. Годы учёбы в Ханты-Мансийском педагогическом училище, которое она окончила с красным дипломом, как небо и земля отличались от мрачных лет, проведённых в таёжной глухомани.

Потом в жизни Анастасии Михайловны наступил пусть и трудный, но благодарный период просветительской деятельности на Югорской земле. Многие годы она проработала учителем начальных классов в деревнях и национальных посёлках Сургутского района: Варьеган, Аган, Тром-Аган, куда, как правило, можно было добраться только по воде на самодельной лодке северных аборигенов – обласе.

Анастасия Михайловна вырастила и воспитала шестерых детей. Сейчас у неё тринадцать внуков и двое правнуков.

Десятилетия спустя после Великой Отечественной войны, уже в наши дни ей вручили заслуженную награду – медаль «За труд во время войны», к которой представили ещё в 1946 году. А в Сургутском военном комиссариате пе-

редали орденскую книжку к награде отца Михаила Александровича Холодова.

Сейчас Анастасия Михайловна живёт в деревне Русскинской с младшей дочерью Верой. Несмотря на почтенный возраст она полна оптимизма, часу не просидит без какого-нибудь дела, всё время в движении. И никогда никаких жалоб на выпавшую ей судьбу. Ни ранее, ни теперь. Даже своим детям о том, что случилось с ней в тридцатые годы, она долгое время не рассказывала.

Только став уже взрослыми, заимев своих детей, узнали они и до сих пор узнают всё новые подробности той страшной трагедии, которая произошла с семьёй Холодовых.

Конечно, что-то ушло из памяти, как страшный сон, и уже никогда не вернётся. Но многие раскиданные по России, но уцелевшие осколки семьи Холодовых бережно собираются и оберегаются чуткой памятью выживших и новых поколений.

Анна Александровна Холодова вышла замуж и уехала со своей семьёй жить на Урал, но не на родину, а в Челябинскую область. Воспитала шестерых детей. Умерла осенью 2003 года.

Виктор Михайлович так и остался жить на берегах Конды в селе Леуши, умер в шестидесятых годах. После него осталось пятеро детей. Все живут в Кондинском районе.

Не погибли корни семьи, есть продолжение звучной крестьянской фамилии.

В последние годы стала известна ещё одна скорбная страница в летописи семьи Холодовых.

Оказалось, что дед Анастасии Михайловны, Александр Игнатьевич Холодов, который был

безвестно увезён на буксировочном пароходе в 1937 году, и, как впоследствии выяснилось, её свёкор Афанасий Алексеевич Чебуренко лежат в Ханты-Мансийской земле. В центре города на месте массовых расстрелов и захоронений в районе небольшой речки Вогулки, которая берёт своё начало из родников Долины ручьёв Самаровского чугаса.

Потомки узнали об этом только спустя шесть десятилетий, в 1997 году, когда в окружной общественно-политической газете «Новости Югры» были опубликованы «расстрельные списки».

Когда вышел номер с первыми списками (их публиковали по алфавиту), внуков как ножом по сердцу полоснуло: здесь должны быть и наши! И уже не было никаких сил ждать, когда опубликуют списки на почти последние буквы алфавита «х» и «ч», тем более что газета выходила только три раза в неделю.

В редакции газеты (тогда она ещё располагалась на первом этаже старого здания окружного военного комиссариата), им дали прочесть все интересующие их списки, среди которых они нашли и свои родные фамилии.

Руки дрожали, слёзы наворачивались на глаза, когда они пробегали по скупым строкам: арестован, осуждён, расстрелян, реабилитирован… И почти в самом конце:

«Холодов Александр Игнатьевич, 1877 года рождения, с. Невьянское, ныне Свердловской области. Ссыльный. Работник сельхозартели пос. Дальний Кондинского района. Арестован 15.11.37. Осуждён 05.12.37. Расстрелян 17.12.37. Реабилитирован 13.06.89.»

«Чебуренко Афанасий Алексеевич, 1896 года рождения, с. Колпашево, ныне Томской области. Житель города Сургута. Арестован 10.08.37. Осуждён 31.08.37. Расстрелян 19.09.37. Реабилитирован 22.06.89.»

Короткие сухие фразы, как выстрелы, а в них – вся жизнь, вся многотрудная судьба людей.

Муж Анастасии Михайловны Георгий Афанасиевич умер рано, в 1980 году, и так никогда и не узнал, что же на самом деле случилось с его отцом. Даже то, что ему было известно, он никогда никому из детей не рассказывал. Внуки до времени опубликования «расстрельных списков» даже не знали отчества деда по отцу, успевшего прожить на земле только сорок лет. Страхом перед тем, что в случае чего и остальные неминуемо пойдут вслед за опальными родственниками, глубоко вытравливали в людях родовую память, беспощадно обрубали все фамильные корни.

Георгий был единственным сыном Афанасия Алексеевича. О расстреле отца в Ханты-Мансийске осенью 1937 года он не знал, до конца своих дней всегда считал, что его из Сургута отправили куда-то на восток страны, где он и сгинул бесследно. Но всё оказалось проще и страшнее.

Кто знает, как могла бы сложиться судьба Афанасия Алексеевича, если бы он остался в живых. Может, была бы у него куча детей, и муж Анастасии Михайловны не скитался бы с клеймом сына врага народа. Всё могло бы быть иначе. Но не случилось. Дети Анастасии Михайловны так и не узнали, каким человеком был их дед по отцу, чем занимался. В память о

нём осталась им лишь пара фотографий. Когда они разглядывают потёртые от времени фотоснимки, на одном из которых бравый мужчина в военной форме, а на втором – изможденный непосильным трудом человек, им не верится, что дед Афанасий мог быть врагом.

В 1992 году через отдел внутренних дел Ханты-Мансийска Анастасией Михайловной был сделан запрос в УВД Свердловской области по установлению факта раскулачивания семьи Холодовых. Ответ пришёл отрицательный.

После 1997 года уже детьми Анастасии Холодовой был предпринят повторный запрос. На этот раз в Управление внутренних дел Тюменской области. Оттуда пришёл ответ, которым подтверждался факт ссылки Холодовых Фёклы Даниловны и Анны Александровны. Про остальных членов семьи никаких сведений нет.

Вот так учитывались ссыльные. Детей, оказывается, вообще не считали. Хотя Анастасия Михайловна так все года и жила с клеймом ссыльной, дочери врага народа. Её до сих пор не реабилитировали, так как нет документально подтверждённого факта её ссылки. Может показаться странным, но обиды у неё на государство нет никакой, только иногда с задумчиво-печальной усмешкой вспомнит и обронит: «Я ведь враг народа…».

«НЕ КРЕСТ – БЕСКРЕСТЬЕ МЫ НЕСЁМ…»

Был до недавнего времени в Ханты-Мансийске поминальный крест на месте массовых расстрелов репрессированных; были щиты с фамилиями и именами тех, которые не знали, не могли понять, в чём их вина перед государст-

вом, за какие преступления их заклеймили врагами народа, унизили, растоптали, уничтожили, к которым каждую осень, в предпоследний день октября, приходили родственники положить цветы, поклониться и молча постоять. Крест, на котором укреплена табличка с надписью: «На этом месте будет воздвигнута часовня», был освящён батюшкой. Но вместо часовни воздвигли на этом месте – на костях невинно убиенных – огромный концертно-театральный комплекс. И без того скромный мемориал сразу стал ещё неприметнее и сиротливей.

Крест стоял долго. Потом его тихо убрали. До осени 2004 года жители Ханты-Мансийска ещё могли увидеть красный щит с белой надписью: «Жертвам политических репрессий 1937-1942 годов». Но и его одним из сентябрьских дней не стало. Лишь рядышком стоит одинокое деревце. Черёмуха. Будет ли стоять завтра?

Когда-нибудь история всё окончательно расставит на свои места. Но чтобы не повторилось то горькое страшное прошлое вновь, мы должны всё помнить, передавать эту скорбную память как неугасимый, вечный огонь, как неотъемлемое связующее звено в цепи поколений нашим детям, внукам, правнукам. И тогда, возможно, не случится так, что:

«Всем нам стоять на последней черте,
Всем нам валяться на вшивой подстилке,
Всем быть распластанным с пулей в затылке
И со штыком в животе»

М. Волошин, «Терминология»

Но подобное может случиться с нами, если мы забудем, если малодушно позволим забыть другим то непоправимое, что случилось с ты-

сячами и тысячами людей в тридцатые и сороковые годы двадцатого века.

Нет у них могил, нет крестов, как у других, к которым по древнему русскому обычаю хотя бы раз в год приходят потомки вспомнить своих усопших родичей. Так пусть будет хоть какой-то памятный знак, например, камень-валун у того чудом оставшегося деревца, в память о тех, кто лежит в этой земле, и в назидание нам, живущим, чтобы помнили.

ПОМНИ КОРНИ СВОИ

краеведческий очерк

Незадолго до Всемирного дня защиты детей мне довелось побывать в гостях у замечательной семьи Пуртовых. К слову, эта семья в мае стала одним из лауреатов городского конкурса «Семья года» в номинации «Древо жизни». На мой взгляд, у семьи Пуртовых был большой шанс стать лауреатом ещё и в другой номинации конкурса, а именно – «Многодетная семья». Татьяна Викторовна и Дмитрий Петрович воспитывают шестерых детей.

Кроме этого, бесспорно, почтительного факта, семья Пуртовых вызывает глубокое уважение тем, что с завидной тщательностью оберегает всё, что так или иначе связано с историей ее семейных корней.

ДЕНЬ МИНУВШИЙ

История большой семьи Татьяны Пуртовой по бабушкиной линии начинается в деревне Солодилово Голышмановского района Тюменской области. Все в их роду были потомственными крестьянами.

Занимались земледелием, держали домашний скот, птицу, были неутомимые труженики. Всё делали своими руками. Выращивали пшеницу, овёс, лён, картофель, овощи. Пшеницу мололи на муку, сами пекли хлеб, обрабатывали лён, ткали холсты и шили из них одежду.

Семья была большая, работали от зари до зари. Осенью, после сбора урожая, лишние продукты мужчины увозили в город, продавали. На вырученные деньги покупали хомуты, сбрую, сель-

скохозяйственный инвентарь. Женщинам обязательно привозили подарки, а детям – гостинцы.

В феврале 1929 года свалилась нежданная беда: началось раскулачивание. Оно напрямую коснулось семьи Александра Ческидова, прадеда Татьяны Пуртовой.

Семья в деревне считалась зажиточной. Сельский Совет принял решение – раскулачить. Кроме них, в список попали ещё пять семей деревни Солодилово: Поповы, Уваровы, Казанцевы, Ковалёвы и Шевелёвы.

Самого Александра Евгеньевича арестовали, а жену с детьми и семью старшего сына Афанасия отправили в ссылку. Куда повезли его семью и другие пять семей – никто не знал. Думали, что вывезут подальше за деревню и расстреляют. Потому что их повезли на лошадях налегке, только в том, в чём они были одеты, с собой взять ничего не разрешили. Бабушке Татьяны Пуртовой, Александре Александровне, было тогда всего шестнадцать лет.

Но оказалось, что их участь не расстрел, а ссылка.

Раскулаченные семьи везли из родного Солодилова долгих четыре месяца на север, через Тюмень, Тобольск, Демьянское и, наконец, привезли в Самарово. Везли от деревни к деревне, давая немного отдохнуть лошадям, которые выбивались из сил, меняли их на постоялых дворах.

Дорогой беременные женщины рожали прямо в санях, дети тут же умирали. Грудные дети замерзали на руках у матерей. Мёртвых везли до ближайшего сельсовета, там оставляли и ехали дальше. Бабушка рассказывала Татьяне Викторовне, что обоз был такой большой, что ему не

видно было конца. Шло одновременно до шестисот подвод.

Александра Александровна потом поведала своей внучке и о том, что в Самарове они поступили в распоряжение комендатуры без права переписки, без права голоса и без права выезда. Сначала раскулаченные ходили на отметку в комендатуру каждую неделю, потом на протяжении двадцати трёх лет раз в месяц.

Только в 1953 году после смерти Иосифа Сталина им всё-таки были выданы паспорта. А до этого времени они считались врагами народа.

Через полгода после высылки семьи, Александра Евгеньевича выпустили из тюрьмы и отправили следом на север. Только спустя ещё полгода прадед Татьяны Пуртовой нашёл свою семью.

Первое время они жили на постоялом дворе в Самарове, потом в банях у местного населения. Жители Самарова поначалу их боялись, перешёптывались: «ссыльные, ссыльные», а позднее жалели и нередко помогали, чем могли.

Все ссыльные были очень истощены, и поэтому их с трудом брали на работу, а подростки, чтобы получить её, намеренно добавляли себе года. Труд был самый тяжёлый: долбили лёд, мыли баржи, заготавливали дрова. «Врагов народа» часто перебрасывали с одного места на другое. Их руками на Югорской земле построены посёлки Луговое, Нялино.

Жить на новых местах начинали в убогих землянках, затем выстраивали бараки, в которых, как правило, жило не менее пятнадцати семей. Внутри вдоль стен были сколочены нары, посередине – печь, вокруг которой за ночь всем надо было просушить свою одежду, особенно осенью и зимой.

Кормили плохо. Привозили мороженый картофель и зелёные помидоры. Жиров вообще не было никаких. А картошка, чтоб не сгнить, так и лежала в мешках на улице, каждый себе отрубал от мешка топором и варил. Хлеб же выдавали скромной пайкой и только в том случае, если ссыльный выполнял норму.

Немудрено, что люди всё больше слабели и часто умирали от неизбывного голода и болезней. К тому же конвоиры обращались с ними жестоко, регулярно били плётками. Если кто-нибудь пытался бежать от невыносимых условий жизни, его догоняли верхом на лошадях и забивали до смерти.

Бабушка Татьяны Викторовны рассказала случай, как однажды она спасла своего отца от голодной смерти.

Александр Евгеньевич находился тогда в Нялино на лесозаготовках, был уже очень слаб, дневную норму не мог выполнять. Ему давно перестали давать хлеб. Когда дочь пришла в барак к отцу, то люди сказали, что тот уже едва ходит, поэтому с работ в барак приходит самым последним.

Александра Александровна отправилась ему навстречу. Действительно, он шёл с заготовочного участка, едва волоча ноги, а когда увидел и узнал дочь, заплакал. Единственный вопрос отца был: «Как ты меня нашла?». Александра ответила, что пришла забрать его. Обо всём договорившись, дочь собрала его нехитрые пожитки и ушла. Она оставила ему булку хлеба, которую специально принесла из дома и с которой он ночью ушёл. На удачу барачного конвоира в это время не было.

Передвигался прадедушка Татьяны Пуртовой в сторону дома только ночами, а днём прятался глубоко в лесу или у сердобольных и молчали-

вых местных ханты… В посёлок Луговое, где жила его семья, он пришёл только через месяц. В это же время приехал его старший сын Афанасий, который тайком убегал на родину и привёз с собой полный мешок муки. Это обстоятельство в ту зиму поддержало всех домочадцев, помогло выжить.

Весной по распоряжению комендатуры семью Ческидовых в числе пятнадцати других отправляют в Самарово на строительство рыбокомбината. Когда их увидели, таких тощих и изморённых, то однозначно отказались взять на работу. Многие, смирившись, вернулись обратно в Луговое. Но трое мужчин, в числе которых был и Александр Евгеньевич, не поехали, сказали, что хоть здесь помирать, хоть там – разницы нет, не поедем. Решили ещё раз зайти к директору рыбучастка, попросить работу.

Директор, посмотрев на них, предложил выдолбить в баржах лёд и вымыть их – это было для них своеобразным испытанием. Но с их трудолюбием и жаждой жить, им не страшна была любая работа. Мужчины долбили лёд, женщины и подростки вытаскивали, потом мужчины на костре грели воду, а остальные члены семей мыли и досуха протирали баржи.

Принимал работу сам директор. Увидев результат труда ссыльных, был восхищён. Похлопав по плечу, сказал: «молодцы», тут же распорядился выдать на каждую семью по два килограмма чебаков и велел оформить на работу.

Семьи ссыльных заготавливали лёд для ледников, выгружали рыбу с барж, вёснами готовили дрова для пароходов, а вечерами с 20.00 до 23.00 строили Самаровскую дорогу. Выпиливали лес, корчевали пни, тачками возили землю. Это была сверхурочная работа, за кото-

рую ничего не платили. Потом строили консервный комбинат и северную часть города – в том числе и сын Александра Евгеньевича Афанасий. Кстати, фамилии Ческидовых, Поповых и Уваровых есть в книге «Летопись города Ханты-Мансийска.

Афанасию Александровичу (двоюродному деду Татьяны Пуртовой) через два года удалось снова бежать в Солодилово. С собою он увёз всю свою семью. Но на родине он был сразу арестован и посажен в тюрьму. Из тюрьмы, когда началась Великая Отечественная война, он добровольцем ушёл на передовую в штрафном батальоне. На фронте пропал без вести.

Вот так сурово и во многом недружелюбно принял в недалёком прошлом Ханты-Мансийск предыдущие поколения семьи Татьяны Викторовны. Но вырванное и брошенное на верную гибель семейное древо крестьян Ческидовых из деревни Солодилово выжило, пустило крепкие корни на новом месте.

ДЕНЬ СЕГОДНЯШНИЙ

– Ханты-Мансийск – это мой город, моя родина, – говорит Татьяна Пуртова. – Я люблю его и привью эту любовь моим детям. В этой земле лежат три поколения моих родственников.

В Ханты-Мансийске поколения семьи Татьяны Викторовны по линии бабушки прожили 380 лет, по дедушкиной линии – 377 лет. Общий трудовой стаж их династии в нашем городе составляет 352 года.

Татьяна Пуртова продолжает:

– Участие нашей семьи в развитии Ханты-Мансийска, начиная с прадедушки и праба-

бушки, считаю, неизмеримо большое. Это именно они в числе первых начинали поднимать из тайги новый город, прокладывали дороги, тротуары; ими построены многие первые жилые дома и часть предприятий.

Мамино поколение озеленяло улицы, разбивало газоны, участвовало в субботниках и воскресниках по очистке Ханты-Мансийска. Это их руками посажены и выращены по всей улице Гагарина красавицы-берёзы. Правда, при недавней реконструкции дороги большинство берёз погибло, но часть всё-таки осталась, как памятник их поколению.

Мы тоже чтим память своих близких и родных, поддерживаем семейные традиции. Все наши предки были исконные крестьяне, поэтому и наша семья, вернее, моя мама имеет дачу, на которой работаем все, включая маленьких детей. Младшие помогают бабушке рвать траву и поливать грядки, старшие оказывают более существенную помощь.

В нашей семье принято отмечать каждому день рождения. Традиционно печём рыбный пирог, стряпаем торт, накрываем праздничный стол. В подготовке этих семейных праздников принимает участие каждый.

На протяжении многих десятков лет в нашей династии передавались мастерство и различные умения от отца к сыну, от матери к дочери. Все женщины в роду умели шить одежду, вязать, вышивать. У нас сохранились старинные полотенца и скатерть от моей прабабушки (бережём как реликвию) из чистого льняного полотна своего домашнего приготовления. Эти вещи были привезены в ссылку из Солодилова.

От моей бабушки сохранились околодки с кружевами. Это такое парадное убранство для

кроватей. Вначале по бокам заправляли кровать такой вот кружевной простынёй, а уже потом сверху накрывали покрывалом.

Самая древняя реликвия нашей семьи, бережно передаваемая из поколения в поколение уже на протяжении полутора веков, – это большая рукописная церковная книга на старославянском языке, которая дошла до нас тоже от прабабушки. От неё же хранится у нас сечка. Ей порядка семидесяти лет.

А вот на память от дедушки осталось самодельное корытце, выдолбленное уже в ссылке – ему около шестидесяти пяти лет. В нём секли овощи для пирогов и мясо для холодца. Это же назначение оно вместе с сечкой имеет и у нас…

Уже усаживая семью Пуртовых для фотографирования, я не удержался от вопроса: как Татьяне Викторовне и Дмитрию Петровичу удаётся справляться с воспитанием такого достаточно редкого в наши дни количества детей? Может, какой-нибудь особый метод или система?

Оказалось, что какой-то особой системы в воспитании нет. Требования ко всем одинаковые с учётом возраста и умений. Старшему из детей, Ване, больше всех досталось нянчиться с младшими, пока не подрос Паша, и можно стало поручать часть забот ему. Ваня в четыре года уже мог дать бутылочку, покачать малыша, в восемь лет он мог спокойно перепеленать, покормить, а в десять – постирать пелёнки, погулять с маленьким.

Паша тоже помогал ухаживать за малышами, но ему досталось намного меньше, чем Ване. Сейчас старшие так же опекают младших, утром отводят в детский сад, вечером приводят. Помогают раздеться, прибрать на место одежду. В свободное время играют с ними или гу-

ляют на улице. В наше отсутствие кормят их, укладывают спать.

Обязанности по дому распределены между всеми. Кто-то дежурит по кухне, кто-то по коридору, кто-то по комнате. Приобщается к уборке уже и Настя, которой четыре с половиной года. В конце недели сдают дежурство, меняются участками.

Мы, взрослые, обязательно контролируем и добиваемся добросовестного отношения детей к исполнению своих обязанностей. Конечно, не обходится иногда и без наказания в виде угла, лишения игры или прогулки, просмотра телевизора, а иногда применяется и ремешок.

По поводу того, что послужило побудительным мотивом для участия в недавнем конкурсе «Семья года», Татьяна Викторовна искренне ответила:

– Захотелось рассказать о своих родственниках. Как много было ими сделано для Ханты-Мансийска, как неимоверно много им довелось пережить, перетерпеть.

Только благодаря их жизнелюбию и трудолюбию многим удалось выжить в то «невыживаемое» время, и как мало они заработали у Родины. Они наравне со всеми, как могли, не жалея сил и здоровья, строили новую жизнь, от которой взамен ничего не получили.

На новой земле наши бабушки и дедушки снова выстроили себе дома, завели скот, разработали огороды. Они научили своих детей, а потом и внуков вести хозяйство, обрабатывать землю, научили жить и радоваться жизни, научили любить людей. За это им от нас всех низкий земной поклон.

ХАНТЫ-МАНСИЙСКАЯ «ВОЛЖАНКА»

краеведческий очерк

Анна Васильевна Корепанова родилась в небольшом городке Кузнецке Куйбышевской области в далёком 1921 году. Её отец Василий Ефимович имел лесотехническое образование. Мать была домохозяйкой.

Из-за того, что Василий Ефимович был лесоводом, большую часть детства семья Ани проживала в лесных кордонах. Видимо, поэтому девочка с малолетства любила лес, природу. Ей до сих пор приятно вспоминать те далёкие времена, когда она совсем ещё малышкой собирала ягоды и с искренним восторгом обнаруживала гнёзда с яйцами диких кур.

Когда Ане исполнилось двенадцать лет, родители переехали в Саратовскую область в Хвалынск, который привольно расположился на берегу Волги. Школьные годы прошли в этом приволжском городке. Вполне объяснимо, что подрастающая Аня очень полюбила эту русскую реку, её водные просторы.

Много позже, вспоминая свои детские годы и в том числе Волгу, Анна Васильевна скажет: «Она как мать умела ласкать и убаюкивать. Мне никогда не забыть прелести катания на лодке и управлять её движением при помощи весла».

За большую любовь к великой русской реке Аня получила прозвище – Волжанка. И так оно крепко приросло к дочери лесовода, что окружающие со временем частенько забывали её настоящее имя.

После окончания средней школы теперь уже молодая девушка Анна поехала в областной

центр и поступила в Саратовский сельскохозяйственный институт.

В плане учёбы сначала всё было хорошо, но вскоре начались серьёзные трудности, связанные с тем, что активные военные действия Великой Отечественной докатились и до Саратова.

Враг почти подошёл к берегам Волги. Город стал практически прифронтовым. То и дело над жилыми кварталами раздавались пронзительные сигналы воздушной тревоги. Налёты фашистов совершались и днём, и ночью.

Трудно стало и с питанием. Хлеб горожане получали по специальным карточкам всего по 200 граммов – и то не каждый день. Ели в основном кашу или запеканку из сои.

В зимнее время студентов отправляли на рытьё окопов и земляных укреплённых точек. Долбить промёрзшую землю приходилось с раннего утра до позднего вечера, когда в городских домах уже зажигали огни. Анне Васильевне хорошо помнится эпизод из тех тяжёлых дней:

«Направлены мы были в населённый пункт Киево-Полтавка. Поселили нас в избу. Мы сделали там нары из досок. Пять юношей и четыре девушки спали на первом ярусе, а один паренёк на втором ярусе. Ещё трое юношей ночевали на печи. Причём двое из них – Сашками их звали – были невысокие ростом, а Дима Шашурин, наоборот, – очень высокий и нормально на печи не умещался. Поэтому мы вынуждены были выставлять стекло в окошечке над печкой, чтобы Дима мог в это окошко выставлять ноги. Затем по установленной очереди мы выходили на улицу и надевали на ноги Димы валенки, а утром снимали.

Питание было скромное, зачастую ходили голодные. Одеты тоже были плохо. Помыться негде. Но мы не роптали на судьбу. Мирились и с тем, что в нашем жилье не было отопления, и ледяные сосульки с подоконника доставали почти до пола. Спать приходилось в верхней одежде, в пальто.

Теперь, спустя столько времени, вспоминаешь обо всём пережитом и с удивлением думаешь, как безропотно и стойко всё переносили. Знали, что идёт страшная война, и на фронте людям ещё хуже, ещё тяжелее. Над окопами, которые мы рыли, пролетали немецкие самолёты, но они стремились к Сталинграду. Напряжённые были дни, но у нас была уверенность в победе нашего народа».

С наступлением весны Анна, как и другие студенты сельскохозяйственного института, нанималась перекапывать картофельные участки под посадку. Цель была одна: хоть немного насобирать прошлогодних клубней.

Какая же огромная была радость, когда хронически недоедающим студентам удавалось собрать хотя бы котелок перезимовавшей в земле картошки, перекопав при этом большие огороды.

Вспоминаются Анне Васильевне и подруги военного времени Зоя Фролова и Лина Буря. Очень часто всплывает в памяти такой случай.

Анна вместе с подругами в очередной раз безвозмездно сдали свою кровь. Кто сколько смог. На этот раз необходимость была вызвана тем, что накануне ночью сильно бомбили Саратов – много было раненых, которым срочно была нужна кровь. За это девушкам-донорам

дали бутылку подсолнечного масла, булку хлеба и плитку шоколада.

Вечером девчата радостные возвратились в свою холодную комнату. Всю поощрительную за кровосдачу провизию положили на подоконник, предвкушая скорый пир.

Ночью объявили воздушную тревогу, надо было спешить в бомбоубежище. Но у трёх подруг даже в полусне была лишь одна мысль – не оставить бы свою провизию, чтобы она не пропала зря в случае их гибели. Несмотря на начинающуюся бомбёжку города, девушки сели на пол (стульев не было) и быстро всё съели. Бог миловал – остались живыми, а вот продуктов не стало. От этого было грустно.

Ещё будучи студенткой, в апреле 1942 года Анна вышла замуж за сибиряка Константина Корепанова, а по окончании учёбы в институте в 1944 году приехала в Ханты-Мансийский автономный округ.

Окружным отделом по сельскому хозяйству Анна Васильевна была определена на работу в опорный сельскохозяйственный пункт Ханты-Мансийска. Его директором тогда была энергичная, умная, строгая женщина Ариадна Голяновская – дочь знатного агронома Сибири Николая Скалозубова. Анна Корепанова была зачислена младшим научным сотрудником по кормопроизводству.

На опорном пункте вместе с лаборантами было в то время всего семь человек. В основном работы велись на пойменных землях, за Иртышём. Возделывали практически все полевые культуры: овёс, пшеницу, горох, рожь. Из овощных культур: капусту, морковь, свёклу,

репу, редьку. В нагорной части города (на суходолах) освоенной пашни были ограниченные площади, и на них в основном возделывали только картофель.

Свою работу в Ханты-Мансийске Анна Васильевна начала с подбора местных образцов ячменя. С этой целью она выезжала в близлежащие хозяйства и отбирала продуктивные линии ячменей. Обстоятельная работа с ячменями позволила молодому специалисту передать образцы из Урманного, Кедрового и Елизарова на Государственное испытание.

По своей неосведомлённости младший научный сотрудник опорного сельскохозяйственного пункта Анна Корепанова ещё не знала, что надо было обязательно затребовать результаты испытания. В Ханты-Мансийск они так и не были направлены.

Но позднее в научной литературе Анна Васильевна не раз встречала информацию, что отобранный ею образец ячменя из Елизарова после Государственного испытания был признан перспективным для возделывания в северных условиях.

Но Анну Корепанову как агронома больше интересовала другая сельскохозяйственная культура – картофель.

Углублённое изучение большого количества сортов картофеля позволило ей определить правильное направление селекционной работы. В основу молодой селекционер взяла сорта картофеля, различающиеся как по происхождению, так и по биологическим свойствам.

Чётко определилась и главная задача предстоящей кропотливой работы: создать сорт кар-

тофеля, который был бы устойчивым к основным болезням данной культуры, урожайным и с высокими пищевыми достоинствами.

Селекционный процесс включал методы межсортовой и межвидовой гибридизации.

Работу над созданием нового сорта картофеля Анна Васильевна начала в 1947 году, когда ей было 26 лет. За отцовскую форму были взяты сорта отдалённой гибридизации и дикие формы картофеля. А за материнскую форму в основном были использованы местные сорта, которые возделывались в условиях нашего региона: «Местный Розовый», «Эпрон», «Местный Белый» и другие.

В специальных питомниках от одного до трёх лет испытывалась не одна тысяча гибридных сеянцев. В результате проведённых учётов и анализов Анной Корепановой были выделены три сеянца: 20, 34 и 11-20, которые она передала на Государственное испытание.

Сеянец 34, названный впоследствии сортом «Ханты-Мансийский», значительно превосходил по урожайности и другим показателям предыдущий районированный сорт. Государственная комиссия дала рекомендацию на районирование нового сорта в Ханты-Мансийском автономном округе.

Это было серьёзное достижение и несомненный успех молодого селекционера. Анна Васильевна, можно сказать, стала «картофельной мамой» Ханты-Мансийска.

При возделывании нового сорта в хозяйствах автономного округа (совхозы Кондинский, Урманный, Таёжный, Сургутский) он проявил себя только с положительной стороны. На стан-

ции ОПХ был получен рекордный урожай в 546 центнеров на один гектар.

В настоящее время сорт «Ханты-Мансийский» прекрасно сохранился в индивидуальном секторе окружного центра, в Мировой коллекции сортов, а также за рубежом в селекционных процессах как сорт, устойчивый к агрессивным формам рака.

В своей научной и практической работе Анна Корепанова большое внимание и долю времени отводила разработке технологий по возделыванию картофеля и овощных культур открытого и защищённого грунта применительно для условий Ханты-Мансийского автономного округа.

Например, по разработанной Анной Васильевной технологии (применительно к белокочанной капусте) урожайность кочанов достигла 640 центнеров на гектар (в 1974 году), а в среднем за пятилетие свыше 500 центнеров.

Опытная сельскохозяйственная станция Ханты-Мансийска первая в автономном округе испытала и стала применять полиэтиленовую плёнку, после чего рекомендовала её для широкого использования в овощеводстве на территории нашего региона.

Анной Корепановой разработана агротехника выращивания теплолюбивых культур в плёночных теплицах применительно к условиям округа. В результате проведённых испытаний ею были подобраны наиболее перспективные для севера сорта огурцов и помидоров.

В 1957 году Анна Васильевна поступила в аспирантуру при Ленинградском институте Полярного Земледелия, которую окончила, и подготовила диссертацию на тему «Культура

картофель и особенности её возделывания в Ханты-Мансийском автономном округе».

В 1958 году Анна Корепанова была переведена на должность заведующей отделом растениеводства старшим научным сотрудником, а в 1960 году назначена исполняющим обязанности заместителя директора опытной сельскохозяйственной станции по научной работе.

На этой должности она проработала двадцать лет, до 1980 года. В год назначения на эту должность Анне Васильевне было присвоено звание Заслуженного агронома РСФСР, а в 1980 году она была награждена медалью «Ветеран труда».

В 1972 году за многолетнюю работу на опытной станции А. В. Корепанова занесена в книгу Трудовой Славы, а в 1983 году в честь дня Советской науки – в книгу Почёта станции.

Многократно Анна Васильевна имела поощрения в виде благодарностей, грамот как по родной станции, так и по администрации города, округа, области, Российской Академии сельскохозяйственных наук. Имеются у неё и почётные грамоты Верховного Совета Российской Федерации и Центрального Совета Всероссийского общества охраны природы.

За достигнутые успехи в научной и производственной деятельности, за высокие урожаи картофеля и овощных культур Анна Васильевна неоднократно была участницей ВДНХ, награждена медалью выставки.

В своё время она неоднократно избиралась депутатом Ханты-Мансийского городского Совета народных депутатов, а в 1957-1963 годах была депутатом Тюменского областного Совета.

Много времени Анна Васильевна уделяла пропаганде научных достижений в печати, по радио и телевидению. В трудах научно-исследовательских институтов сельского хозяйства Крайнего Севера и Северного Зауралья, а также в отраслевых сельскохозяйственных журналах опубликовано около тридцати её научных работ.

На протяжении всего трудового пути, работая по культуре картофеля, Анна Корепанова во многом способствовала его продвижению в отдалённые северные районы автономного округа. Её рекомендациями по агротехнике возделывания этой культуры хозяйства пользуются до сих пор.

Так сложилась судьба уроженки средней полосы России, Волжанки, Анны Корепановой, которая, приехав в 23-летнем возрасте в Ханты-Мансийск, плодотворно проработала на непростой ниве сельскохозяйственной науки Приобского Севера пятьдесят три года, стала полноправной «мамой» нового сорта картофеля, гордо носящего имя города, чьим почётным жителем является теперь Анна Васильевна.

ЦЕНА НАВАЖДЕНИЯ

криминальный очерк

Когда в семье Александра Веретенникова произошёл серьёзный разлад, он ума не мог приложить, как такое могло случиться. С Ларисой они поженились уже шесть лет назад, будучи знакомы ещё со времени учёбы в университете. Правда, он был студентом физического факультета, а его будущая жена получала высшее образование на факультете романо-германской филологии. Через два месяца после получения дипломов Александр и Лариса соединили свои судьбы.

Первые два года супружеской жизни, если не считать неизбежной притирки характеров двух разных, хотя и любящих друг друга людей, были, как частенько говорят, сон и сказка. Оба без особого труда нашли работу преподавателями по своей специальности – правда, в разных школах, но это сущий пустяк. Клавдия Никифоровна, бабушка Александра, в двухкомнатной квартире которой они поначалу жили втроём, вскоре преставилась, и молодожёны Веретенниковы стали полноправными хозяевами скромных апартаментов в пятиэтажном доме на улице Одесской. Живи да радуйся!

В сентябре 1993 года у Ларисы с Александром родился мальчик. Малыша назвали Валерием в честь отца молодой мамы.

Именно в это время и начали случаться в семье Веретенниковых первые размолвки. Каждый раз инициатором сначала недовольства, а через какой-то срок и злобной ругани, была Лариса, ко-

торая в последнее время стала на редкость раздражительной, вспыльчивой и обидчивой.

Конечно, её с одной стороны можно было понять: бесконечные заботы о маленьком ребёнке отнимали много сил. Лариса часто недосыпала. Попробуй-ка, отдохни, если каждые три часа младенец требует есть. Она и не представляла, что всё будет так трудно. Все радужные фантазии о радостном чувстве материнства в один миг рухнули.

Неподготовленность к бремени материнства и глубокое разочарование Ларисы от неизбывных хлопот довольно быстро переродились в зависть к тем, у кого ещё нет детей; в досаду на себя, что решила стать матерью; в обиду и всё нарастающую злобу на Александра, который стал работать после рождения сына на полторы ставки, чтобы обеспечить пополнившуюся семью материально, и, как результат, меньше времени находиться дома.

Не раз бывало, когда Александр возвращался после трудового дня и едва переступал порог квартиры, ему в лицо летел ворох грязных детских пелёнок, швырнув который, Лариса в ярости выпаливала:

– Явился, сволочь! На! Стирай дерьмо своего сына!

Сначала Александр недоумевал, почему Лариса позволяет себе такие выходки, пытался успокоить, приласкать. Но это мало помогало. Совсем не помогало. Что бы ни делал Александр по дому, как бы ни помогал – всё либо упрямо оставалось незамеченным, либо постоянно оказывалось недостаточным. На него то и дело сваливались незаслуженные упрёки и

обидные обвинения. Убеждать, что-то доказывать, отстаивая своё собственное достоинство – было бесполезно. В ненависти Лариса становилась как слепая.

День ото дня ситуация в семье Веретенниковых изменялась далеко не в лучшую сторону. Кризис всё нарастал, изживая, разрушая всё хорошее, что было накоплено за время совместной жизни. Размолвки всё больше затягивались, а выход из них становилось найти всё труднее. Да Лариса и не особо стремилась к этому, каждодневно мимоходом огрызаясь на Александра за малейший пустяковый промах.

Трудно поверить, но спустя время, когда маленькому Валерику было уже четыре месяца, распри между Александром и Ларисой доходили до драк. Впрочем, руки в основном распускала Лариса, Александр лишь увёртывался от ударов в лицо и пах. После окончания подобных экзекуций, когда из жены выходил лишний пар, тело Александра на добрую неделю оставалось украшенным многочисленными синяками, царапинами и кровоподтёками, неуспевающими окончательно исчезнуть до появления свежих. Об интимной близости и говорить не приходится, оба уже давно забыли день, когда последний раз ласкали друг друга в объятиях.

Читатель наверняка ничего не потеряет, если часть горемычной семейной жизни Веретенниковых мы пропустим и перенесём повествование событий почти на четыре года вперёд, в ноябрь 1997 года.

Может быть, вас удивит то, что Лариса и Александр ещё вместе, но это, действительно, так. Во многом – это заслуга терпеливого Алек-

сандра. Но с другой стороны, стоило ли приносить жертву во имя сохранения такой семьи, ведь всё светлое и родственное в чувствах уже давным-давно перегорело, вытравилось. Да и Лариса ни в коей мере не изменилась. Сын – вот что заставляло Александра сносить попеременные раздражительность или равнодушие жены, никчёмную жизнь и сохранять семью.

Валерику месяц назад исполнилось четыре года. Смышлёный, точь-в-точь похожий на отца, он уже год ходил в детский сад. Ребёнок был единственной отрадой в жизни Александра. Сынишка тоже больше тянулся к отцу, ощущая его искреннюю любовь, и наоборот, старался избегать матери, от которой так и тянуло неприязнью.

То, ради чего зашла вся речь, если не считать предыстории, случилось вечеров вечером третьего ноября.

Александр в одних трико сидел за столом и писал конспекты для завтрашних уроков. В противоположном углу Лариса гладила бельё. Постепенно она мысленно начала вновь накручивать себя и заводиться: «Господи, когда ж это кончится-то, а? Нашли домработницу!». Минута за минутой вспыхнувшая злоба нарастала и, наконец, достигла своего предела. Резко выдернув утюг из розетки, Лариса сделала три стремительных шага к Александру и крепко припечатала раскалённый электроприбор к спине мужа.

Истошно завопив от боли, Александр вскочил, непроизвольно отталкивая от себя жестокую жену, и бросился в ванную под душ. В

комнате за коробку с игрушками испуганно забился в плаче Валерик.

Пока Александр пытался усмирить холодной водой нестерпимую боль, квартира наполнилась истеричными проклятиями Ларисы:

– Ненавижу! Я вас точно когда-нибудь пришибу! Обоих! Чтоб вы сдохли!..

Всю ночь Александр, накрывшись мокрой простынёй, проворочался с живота на бок. Обожжённая спина так и не позволила нормально выспаться, после уроков необходимо было сходить в поликлинику и взять больничный лист. С тяжестью на сердце он ушёл рано утром на работу, отведя по пути Валерика в детский сад, чтобы вечером, как обычно, забрать его оттуда.

Но у Ларисы на этот счёт были свои чёрные планы. Сегодня у неё было всего четыре урока английского языка в седьмых и восьмых классах.

Истощённая ежедневным противостоянием в семье, нервная система Ларисы уже не первый месяц иногда давала сбои. Она могла беспричинно засмеяться или вдруг надолго забыться во время урока. Бывало, что её неожиданно настигали навязчивые тёмные мысли, от которых она потом не могла избавиться несколько дней.

Наваждению, которое началось у Ларисы четвёртого ноября во время перемены между третьим и четвёртым уроками, суждено было стать последним.

Как в бреду, почти на «автопилоте», провела учительница английского языка Лариса Валерьевна Веретенникова свой последний урок и, повинуясь сценарию болезненного разума, оделась и покинула школу.

Словно зомби, направилась она в сторону детского сада, в который ходил Валерик. О том, что рассудок Ларисы явно был не в порядке, позволяет говорить уже то, что она пошла пешком, хотя до цели лучше было бы проехать восемь остановок на автобусе. За полтора часа женщина справилась с этим расстоянием.

Воспитательница группы была очень удивлена, когда в кои-то веки увидела на пороге Ларису Валерьевну. Детишки только собирались сесть обедать. Но мама Валерика была странно настойчива:

– Не волнуйтесь, он дома пообедает.

– Что-то случилось?

– Почему вы так решили?.. Нет, всё в порядке. Просто так надо, – не глядя в глаза воспитательнице, ответила Лариса, торопливо помогая одеваться Валерику. – Папе вечером будет некогда забрать сына, мне тоже, поэтому я пришла сейчас, – скороговоркой пояснила она, направляясь к входной двери. – До свидания…

Дома безумные события развернулись с поразительной быстротой. Стремительно и безоглядно!

Оставив сына раздеваться самостоятельно, Лариса ушла в комнату, достала из шифоньера один из запасных брючных кожаных ремней Александра и с хмурым видом решительно прошла на кухню. Там она вынула из шкафчика домашнюю аптечку, взяла из неё тюбик с детским кремом и, выдавив в ладонь большое количество содержимого, тщательно и обильно смазала ремень почти по всей длине.

– Мама, я кушать хочу, – робко сказал, войдя на кухню, уже раздевшийся Валерик.

Ничего не ёкнуло в сердце матери. Женщина резко обернулась на голос сына и зло, с ядовитой усмешкой процедила сквозь зубы:

– Сучье отродье! Скоро ты больше ничего не захочешь! Ублюдок!

Слёзы незаслуженной обиды, тут же появившиеся в глазах четырёхлетнего малыша, только подстегнули, ускорили претворение чёрного замысла наваждения Ларисы Веретенниковой.

Продев конец ремня в пряжку, она ловко накинула образовавшуюся петлю на шею сына и затянула. Смазанная кремом кожаная лента легко и плотно вдавилась, туго пережав горло Валерика. Лицо мальчика мгновенно побагровело, глаза бессмысленно вытаращились. Он судорожно уцепился ручонками за руки матери. Но это ничего не изменило. Развернувшись спиной, Лариса перекинула свободный конец ремня через плечо и сильно натянула, оторвав тело Валерика от пола.

Минуту спустя всё было кончено. Конвульсивно вздрагивавшее тело малыша безжизненно обмякло на спине матери.

Миссия повреждённого разума была закончена. Наваждение отступило. Только теперь Лариса наконец смогла осознать то, что совершила. Прозрение было беспощадным. Сознания и чувства женщины-детоубийцы притупились. Ужас от вида содеянного породил приступ нового помутнения рассудка.

Спустя час Лариса была уже до потери памяти пьяна. На подкашивающихся ногах она добралась до ванной комнаты, наполнила ванну тёплой водой, не раздевшись, погрузилась в неё и лезвием вскрыла себе вены на запястьях и шее…

В половине шестого вечера, после посещения поликлиники, Александр зашёл в детский сад за Валериком и был очень удивлён и встревожен, узнав от воспитательницы, что мальчика ещё в час дня забрала мама. С недобрым предчувствием он отправился домой.

Шокирующее потрясение, которое испытал Александр, войдя в квартиру, трудно передать словами. Увидев труп Валерика с затянутым на шее ремнём и затем жену, неподвижно лежащую в воде кровавого цвета, он, как подкошенный, рухнул на пол, потеряв сознание…

Преподавателей Веретенниковых хватились на следующий же день сразу в обеих школах, когда те не явились для проведения уроков. Не пришли они в свои школы и ещё день спустя.

Когда сотрудники милиции вечером шестого ноября оказались в квартире пропавшей семьи, они увидели почти ту же самую картину, что и двумя днями раньше застал Александр. Но вдобавок к этому на крюке от снятой люстры в верёвочной петле неподвижно висело тело самого Александра Веретенникова.

На столе была найдена краткая предсмертная записка Александра:

«Жить дальше – нет смысла.

Прости меня, Господи.

Прости, мама».

В один день перестала существовать целая семья. Александру Веретенникову было двадцать девять лет, Ларисе – двадцать восемь, Валерику – четыре года. Такова страшная цена наваждения.

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

автобиографическое эссе

Григорьич, как позволял подчинённым без малейшего намёка на панибратство называть себя начальник штаба временного отдела Михаил Андреев, подошёл как-то после ужина ко мне и, будто что-то вспоминая, натужно-глуховатым, но высоким голосом спросил:

– Ты у меня сколько дней в отгуле не был?

Я изумился и прежде чем ответить, даже успел подумать: «Здорово же, наверное, сегодня Григорьич набегался по службе, если такой вопрос вычудил».

– Четыре недели и два дня. Итого – месяц.

– То есть как? – опешил начальник штаба. – Постой-постой, мы ведь как раз месяц как в Чечню заехали. Так, нет?

– Так.

– И что?

– Вот, с самого начала командировки в отгулах и не был, – внутренне радуясь удачному розыгрышу, ответил я.

Григорьич пристально посмотрел мне в глаза, пытаясь засечь обман или подвох, но тут же сообразив, что я ничуть не кривлю душой, широко усмехнулся в густые рыжие усы, протяжно хмыкнул и с теплотой в голосе прогнусавил:

– А ведь точно, дружище. Как же я тебя из виду-то упустил?..

Я молча пожал плечами, а сердце вдруг забилось чаще от неожиданных, искренне, по-отцовски заботливых слов Григорьича. Капитан тем временем дружески положил мне ладонь на плечо и, деловито размышляя, продолжил:

– Тогда, значит, так: завтра с девяти утра сутки можешь отдыхать… Как же я тебя из виду-

то упустил? – после паузы с рассеянным видом снова повторил он и, словно очнувшись от внутренних мыслей, уже уверенно закончил:

– Как-то я всё машинально тебя в графики дежурств проставлял. Сегодня вот тоже два определил: с двадцати одного до часу и с пяти до девяти.

– Знаю. Видел.

– Знаешь! А что молчал-то всё это время? – с притворным недовольством вскинулся он. – Все уже по два раза в суточных отгулах были!

Ладно, на вечернее дежурство я тебя кем-нибудь заменю, а утреннее всё-таки надо будет отдежурить. Ну, бывай! Да почаще глаза мозоль, боец, – уже смеясь, торопливо проговорил Григорьич, направляясь в дежурную часть, – а то вдруг опять забуду отгул дать!

Вечером я сидел в сумрачном кубрике, топил «буржуйку» и с добродушной усмешкой вспоминал последние слова начальника штаба. Легко сказать: «отдыхай». И рад бы заснуть, да где там. За минувший месяц организм настолько привык к жёсткому графику боевых дежурств, что попробуй-ка переломи его по-новому устоявшийся режим, даже во благо ему. Нетушки! Только будешь без толку ворочаться на нарах, да как совёнок таращить хронически воспалённые нервным недосыпом глаза в облупленный потолок, слушая ночную перестрелку.

Нет. Лучше уж так: сидеть при скудном свете вздрагивающего от сырого сквозняка лепестка свечи, придвинувшись почти вплотную к жаркой «буржуйке», цедить из оббитой кружки сквозь зубы крепкий, сладкий и, как на охоте, слегка припахивающий дымком чай и вспоминать мирную жизнь, далёкую милую родину.

Как всё-таки безмерно обостряются чувства человека к родным краям в условиях каждо-

дневных боёв! Нигде я ещё не вспоминал с такой желанной тоской, с таким сладостным щемлением в сердце любимые места, как на войне. Сколько раз ловил себя на том, что с зудящим, физически ощущаемым нетерпением жадно жду любого более-менее свободного часа, минуты, чтобы где-нибудь, совершенно неважно где, – в доте у бойницы в период тревожного ночного затишья, в послеобеденное время короткого перекура, в малый промежуток между сном и усталой мимолётной дрёмой после очередной боевой смены, когда лишь одиночные выстрелы да сухие хлопки сигнальных и осветительных ракет нарушают нервозную тишину разрушенного опального города – можно будет молниеносно унестись мыслями к незабвенным местам материнской приобской земли. Земли, на которой родился и вырос, которая не только наяву, но и вот так, в воображении, радушно примет как самого дорогого и искренне желанного. И можно будет без всякой робости, на правах сына пройтись воспоминаниями по любым заветным уголкам, что с трепетом и святостью бережёт память, именуя одним простым словом – родное.

Доходило до того, что из-за постоянного недостатка свободного времени приходилось заранее планировать, «заказывать» в уме, куда при ближайшей возможности устремить бег воспоминаний.

Выглядело это примерно так: «Завтра дежурство в доте днём. То есть четыре часа относительно спокойного времени. Без стрельбы, без напряжённого ожидания боевой тревоги. Значит, можно неторопливо «прогуляться» по Тильтимской дороге до Харьегана, а то и до Кузьёля. А

сегодня перед сном малость «поброжу» в окрестностях Бурудана, поем лесной жимолости».

От такого мечтательного планирования, мысленного ожидания уже загодя приятно щекотало в груди, и как будто в бездонную пропасть радостно ухало сердце, напрочь забыв обо всех невзгодах и неизбывных трудностях военной жизни.

Так и сейчас, неподвижно сидя возле раскалённой стальной печурки, без труда перенёсся мыслями в родное приполярное село Мужи.

Вот я в походной одежде, с небольшим рюкзаком за плечами вышел из дома, стремительно спустился с высокого, в двенадцать ступеней, крутого крыльца и направился налево через узкий двор вдоль нашего трёхподъездного дома. В два шага перемахнул через деревянный короб теплотрассы, наискосок пересёк гулкую лежнёвку и споро пошёл по дощатому, местами вконец расхристанному, белёсо-серому узкому тротуару в сторону звероводческой фермы.

Навстречу проглядывает между домами лесистый косогор гряды Мужевский Урал – это последние невысокие отроги каменного Полярного Урала. Он дрёмно, невозмутимо взирает из-под хвойных век на сутулые покатые холмы, на которых вдоль илистого берега нетесно расстроились Мужи, и на всё низменное обширное междуречье Малой и Большой Оби с его многочисленными озёрами, хитро петляющими протоками, сорами и сухими ягодными пугорами.

Далеко-далеко цепляет пристальный взгляд пойменные просторы с плоскими тальниковыми островами. А если даст погода подарок – безветрие да кристально чистый, без марева, воздух, и если по неожиданному оптическому капризу природы вдруг продавится земля, и

выгнется, поднимется восточная сторона горизонта, то увидишь воочию, на удивление рядом, коренной правый берег Большой Оби. И не только крохотная хантыйская деревушка Анжигорт предстанет, как на ладони, но и крепкое большое село Горки, что в шестидесяти километрах от мужевского берега.

Самому не довелось увидеть, но старожилы хорошо помнят и рассказывают, мол, однажды в конце августа горизонт с севера настолько прогибался, что видны были не только Шурышкары и пойма Соби, но и даже Салехард можно было ясно разглядеть. А на северо – северо-западе, обманчиво близко, прямо-таки за Ханты-Мужами, выдавился в небо из-за ближнего косогора сам Полярный Урал, и забелела в глубокой синеве величественная снежная шапка Пайера…

Все эти картины настолько красочно и подробно предстают перед внутренним взором, что в какое-то мгновение невольно забываюсь до такой степени, что, очнувшись от грёз из-за громко треснувшего в «буржуйке» полена, не сразу осознаю, что я – за пять тысяч вёрст от Приполярного Зауралья, простирающегося на границе Югры и Ямала между шестьдесят четвёртой и шестьдесят шестой параллелями северной широты. И что за хлипкими, криво растрескавшимися после недавних частых бомбёжек стенами сырого кубрика – совершенно другие горы и абсолютно чужой для сердца пейзаж. Поэтому возбуждённое памятью сознание само по себе, без натуги старается побыстрее нырнуть из безрадостной действительности обратно в пучину желанных воспоминаний…

Заканчиваются последние дома, и я неторопливо иду вдоль забора южной части мужевско-

го погоста. Могилы отца и крёстной матери Анны отсюда не видать, они в противоположной стороне кладбища. Об этом успеваю вспомнить лишь мельком, увлекаемый течением мыслей всё дальше и дальше.

За последними могильными крестами начинается умеренно крутой спуск к Югану – небольшому таёжному притоку Малой Оби, извилисто огибающему Мужи с запада и севера. Спуск к сырой пойме Югана чем ближе к воде, тем больше изуродован глубокими рытвинами с застоявшейся мутно-рыжей водой. Летом верхний слой вечной мерзлоты успевает на полметра оттаять, глинистая почва набухает, раскисает от влаги, и имеющие обыкновение пастись здесь сельские коровы и лошади без труда продавливают копытами тонкий дёрн, погружаясь в топкую неверную твердь чуть не по колено.

Спускаться по таким колдобинам – приятного мало, по неосторожности ничего не стоит и ногу подвернуть. Но это в действительности, а в мыслях все эти кочки и ямины значения не имеют. В мыслях легко быть невесомым.

Вот я уже перебрёл по каменистому мелководью Юган, ещё раз оглянулся на село и знакомой тропой углубился в тайгу в сторону раскорчёвки.

По времени года представился август. Благодатная в большинстве случаев пора для отчего края, если не надвинутся, не перевалят из-за уральских хребтов затяжные ленивые циклоны со своим пасмурным характером и продолжительными, хотя и не слишком холодными ещё дождями. Но всё-таки чаще это удел сентября. А в августе погода по возможности старается баловать последней благодатью мужевский околоток.

Только-только закончились белые ночи полярных широт. В ночь с четвёртого на пятое августа в белёсом сумраке неба, почти в зените, неуверенно, словно с опаской, но, тем не менее, проклюнулась слабым, трепещущим лучиком первая звезда. Это Вега из созвездия Лиры. Пройдёт дней десять, и в меркнущем небе появятся новые мерцающие вехи-ориентиры: Арктур, Капелла, Альдебаран, Денеб, Алголь. Полярная звезда обозначится на небосводе чуть позже. Она хоть и считается по праву основополагающей звездой в северном полушарии, но всё-таки много слабее своих более ярких космических подруг и не в силах сразу победить слабеющую летнюю власть земного светила в высоких широтах.

Чем ещё замечателен август в Приполярье? Многим. Уже нет изнуряющих полчищ гнуса, ощутимо меньше надоедливых комаров. Солнце, хоть и стало день ото дня всё больше скатываться к южной стороне горизонта, но ещё ласкает землю последним теплом, ещё довольно быстро и уверенно разгоняет воровато стелющиеся по утрам вдоль берегов Оби и проток рваные клубы тумана. В тайге наливаются соком осенние ягоды, вздыбливают бугром и властно разламывают мох тугие шляпки молодых грибов, дозревают под смолистой чешуёй шишек вкусные кедровые орехи.

Все эти наблюдения из прошлого исподволь всплывают в памяти, пока неспешно поднимаюсь по склону на вершину первого холма к раскорчёвке. Сейчас она уже не может в полной мере оправдать название. В былое время облысевшая после вырубки леса ровная вершина невысокого увала теперь во многих местах заново оделась берёзовым и осиновым молодняком, а

кое-где свежо зеленеют маленькие островки кедрача в половину человеческого роста.

Мысли послушны обретённым в минувшие года впечатлениям и обычаям, поэтому даже в плену воспоминаний по сложившейся традиции, хотя и не устал, делаю здесь первый короткий привал.

Стройный осинничек звонко, шумно аплодирует моему появлению. Его чуткие к дыханию ветра листья-ладошки уже блёкло-зелены. Совсем скоро остывающая земля замедлит ток живительного сока от корней к листве, и кроны до неузнаваемости преобразятся, яро заогневеют на фоне неизменной малахитовой густоты кедрача и ельника.

До чего же хорошо присесть возле ветвистого куста карликовой берёзы, а ещё лучше расслабленно повалиться спиной на пёстрый моховой ковёр и, запрокинув голову, через полусмеженные от солнечного света веки скользить умиротворённым взглядом по низким неторопливым облакам, попутно угадывая в причудливых очертаниях небывалых существ, и навсегда провожать их за близкий, отороченный неровными зубцами тайги окоём.

Почему-то именно здесь чаще всего с незлой досадой вспоминаю Сергея Есенина. Каждый раз переполняет сожаление, что этот замечательный, горячо любимый поэт родился не на мужевской земле. Для меня он навсегда останется непревзойдённым певцом родного края. Всё мечталось, вот если бы ему довелось быть моим земляком! Как искренне, точно и сочно был бы воспет морошковый край! Невольно охватывает смущение за свои куда более скромные литературные способности. Он-то не видел никогда всех здешних красот, а я не

только родился, но и вырос на этой богатой, разноликой земле – кому как не мне поделиться с людьми гордостью за суровую родину и переполняющей сердце любовью к ней. А всё боюсь, что не сумею, не найду верных слов.

Как всё-таки здорово, непритворно и легко, без малейшей вымученности, ещё в начале прошлого века Есенин восторженно выдохнул о рязанщине: «Гой ты, Русь моя родная…». Возможно, в день, когда появились эти проникновенные строки, поэт был далеко от Константинова, но так же, как я сейчас, ожившей памятью сердца, всей сутью находился там, где-нибудь в просторах приокских лугов, прислонившись плечом к любимой берёзе-шептунье.

Первый раз я услышал и запомнил на всю жизнь эти есенинские строки от мамы.

Шёл 1982 год. Вторая половина марта. Месяц солнечной зимы. У народа ханты он именуется образом-приметой: «Месяц появления наста». У нас в низовьях Оби, на «опушке» Северного полярного круга, пора весеннего равноденствия обычно мало отличается от календарной зимы. Ещё продолжаются уверенные морозы, случаются снегопады, а то и, глядишь, запуржит дня на два.

Но всё-таки есть одна неоспоримая примета весны: восход за восходом всё более длинные световые дни. А если выдастся ясный с отчаянной синевой небес день, то ослепительно белые, ещё и не помышляющие таять сугробы беспощадно, до рези, бьют по глазам отражёнными лучами набирающего силы светила.

Вот в такой погожий день, в выходной, мама впервые отважилась взять меня в далёкую пешую прогулку по Тильтимской дороге. Мне было уже девять лет. Год назад подобное путе-

шествие по тайге при всём желании не могло состояться. В январе 1981 года мама родила младшего брата Юру, и всё её время уходило на обычные материнские хлопоты.

Теперь брату уже шёл второй год. Мама со спокойным сердцем оставила Юру на попечение тёти Нюры и дяди Андрея Чупровых, моих крёстных, и вскоре мы были на околице села.

До кораля, конечной цели нашего путешествия, от Мужей километров пять или шесть, смотря откуда начинать отсчёт. Всего-то час пути для взрослого человека, но мы с удовольствием растянули дорогу в один конец на два с половиной часа.

Торопиться было некуда, да и ни к чему. Мы шли, часто останавливаясь, то разглядывая и угадывая на снегу следы лесной живности, то удивляясь замысловатым снежным нахлобучкам на верхушках молодых елей, то подолгу любуясь живописными видами тайги, открывающимися за каждым новым поворотом неуклонно поднимающейся вверх дороги.

Почти на подходе к коралю мама случайно обернулась назад и мгновенно остановилась. Я семенил сзади и от неожиданности ткнулся головой ей в живот.

– Посмотри-ка! – заворожённо-восхищённым шёпотом проговорила она, кивнув туда, куда устремила пристальный взгляд.

Я оглянулся и тоже оцепенело замер, приоткрыв от изумления рот.

Мы стояли на вершине высокого увала (позднее узнал, что укрытые тайгой отроги Мужевского Урала в самой высокой точке не дотягивают до трёхсотметровой отметки над уровнем моря лишь каких-то одиннадцать метров.) Осненное междуречье Малой и Большой Оби

вогнутой лепёшкой расползлось от кромки леса до непривычного, неимоверно далёкого горизонта, убежавшего на добрые полсотни вёрст.

В следующее мгновение увидел Мужи и на секунду испугался: так далеки и крохотны были они! Но почти сразу короткий испуг сменился радостным удивлением при виде махоньких, чуть ли не игрушечных домишек: «Надо же, как мы далеко и высоко забрались!»

И вот тогда, среди торжественного безмолвия, когда у меня то и дело от избытка чувств перехватывало дыхание при увиденном впервые ошеломляющем и воистину величественном зрелище, за спиной тихо, но ясно зазвучал голос мамы:

– Гой ты, Русь моя родная,
Хаты – в ризах образа…
Не видать конца и края –
Только синь сосёт глаза.

Слова слетали с её губ неторопливо, напевно. Мой взгляд был очарован бескрайними заречными далями, и я слушал маму, не оборачиваясь, но с жадностью впитывая сознанием каждое слово стихотворения, казавшегося чудесной волшебной клятвой в любви к родной земле. В том, что это клятва, я уже нисколько не сомневался, когда мама более торжественно, как заклинание, закончила:

– Если крикнет рать святая:
«Кинь ты Русь, живи в раю!»
Я скажу: «Не надо рая,
Дайте родину мою».

– Это Сергей Есенин написал, – сказала она с благоговением после некоторого молчания.

Возвращаясь назад, мама ещё не раз повторяла вслух это стихотворение, чтобы я лучше запомнил его, и мы с каким-то особенным наслаждением, восторгом неожиданного открытия снова и снова ласкали слух двумя последними строчками первого четверостишия.

Этот эпизод из детства припомнился попутно, и я вновь мысленно перенёсся обратно на раскорчёвку. Короткий привал позади. Напоследок переворачиваюсь со спины на грудь, приникаю подбородком к податливому прохладному бархату кукушкиного льна и с наслаждением глубоко вдыхаю влажный травянисто-пряный запах. На расстоянии вытянутой руки замечаю одинокий игольчато-пушистый стебелёк водяники с тремя налитыми тёмными ягодами, тянусь к нему и осторожно срываю нежные сочные бусины. Раздавив их о нёбо, с удовольствием ощущаю, как растекается по языку хорошо утоляющий жажду, лишь чуть-чуть сладковатый сок.

Только после этого поднимаюсь и уверенно иду дальше.

Вскоре тропа, повиляв по вершине холма, начинает незаметно убегать вниз, в ложбину, и вот почти теряется в сыром, безлесном, густо заросшем лишь карликовой берёзой распадке. По многим приметам чувствуется близость таёжного сойма, именуемого Первым Ручьём, который, замысловато виляя между увалами, впадает в Юган как раз напротив сельского кладбища.

Под ногами начинает звучно с причмокиванием чавкать густая, почти чифирного цвета жижа. Это от торфа. По всей видимости, в стародавние времена на месте нынешнего распад-

ка было болотце. Потом оно поднялось, захирело, а вековые слои сфагнума перегнили, переродились в торф. Но, наверное, бьётся ещё где-то в глубине слабая жилка одинокого ключа-живуна, которая и не позволяет пока зреющему торфянику обрести большую прочность. Видать, не время ещё. Потому-то и приходится идти торопливым шагом – а замешкаешься, то и из сапога запросто выскочишь.

Минут десять спорой ходьбы, и под ногами перестаёт хлюпать. Вновь обозначается твёрдая тропинка и вдруг обрывается. Вернее, здесь её «устье». Проводив путника через первые ближние к Мужам увалы, она «вливается» в «левобережье» Тильтимской дороги метров на сто двадцать выше Первого Ручья…

Ближний разрыв осколочного выстрела гранатомёта безжалостным толчком швырнул меня через тысячи километров, заставил вздрогнуть и невольно открыть глаза.

Чечня. Почти полночь. Я обвёл тревожным взглядом полутёмный кубрик. Укреплённая в пустой консервной банке свеча на две трети оплавилась, пламя на сквозняке судорожно трепетало, металось из стороны в сторону и, чадя, сердито потрескивало. Снаружи, со стороны площади Минутка, послышалась длинная автоматная очередь. И сразу вслед за ней взахлёб застрочили ещё несколько АКМов.

Перестрелка окончательно вернула в суровую действительность войны. Осознание этого, грубо нахлынув, повергло в тоску и отозвалось саднящей болью в груди. Чтобы развеять это, сродни шоковому, состояние, я заставил себя подняться с колченогого стула, открыл дверцу печки и подбросил в топку на рдеющие угли

новые поленья. Покашляв густым дымом, они шумно вспыхнули жадным пламенем.

Его бойкие языкастые всполохи напомнили ночные таёжные костры в сезон охоты, когда вот так же жизнелюбиво пляшет пламя по сухим веткам, потрескивая и с тонким свистом вгрызаясь в смолистый замшелый валежник.

Недаром говорят, что созерцание открытого огня чудодейственным образом очищает, просветляет душу. Тяжёлое чувство и вправду постепенно отлегло от сердца, даже наоборот – неуловимо переродилось в тихую радость.

Я неожиданно понял, что наперекор всему доволен сегодняшним вечером и по-своему счастлив. Мне удалось на целых два часа обмануть войну. Пускай не наяву, а памятью сердца, силой воображения, но я устроил себе настоящий праздник: короткую побывку в родном крае. И ничто другое не способно тягаться с этой наградой.

Понимание этого подействовало, как стакан спирта. Тело приятно расслабилось, и я почувствовал, что хочу спать. Раздевшись, забрался по простой, но крепко сколоченной лесенке на свои верхние нары. Ни холодная жёсткая постель, ни безнадёжно отсыревшая от промозглого климата Чечни подушка, ни продолжающаяся перестрелка не могли сейчас нарушить моё умиротворённое состояние.

Я коротко помолился и быстро задремал с единственным желанием, чтобы мне приснилась РОДИНА.

1 р 00 к

СОДЕРЖАНИЕ

КУЛАКОВО – КАМЕНКА – КУЛИГА 3
Ирбитский Тракт 5
Кулаково 6
Анна Степановна. 8
Аполлинария Ивановна 13
Бабушка Катя 19
Кулаковские улицы 24
Каменка 25
Речка Каменка 28
Баба Каша 30
Кулига 37
Кулигинские пацаны 38

МЕСТО ССЫЛКИ – ЮГРА 40
«Не крест – бескрестье мы несём…» 53

ПОМНИ КОРНИ СВОИ 56
День минувший 56
День сегодняшний 61

ХАНТЫ-МАНСИЙСКАЯ «ВОЛЖАНКА» 65

ЦЕНА НАВАЖДЕНИЯ 74

ПАМЯТЬ СЕРДЦА. 82

Редактор серии *Алексей Ахматов*
Корректор *Юлия Медведева*
Дизайн обложки *Екатерина Дедух*

Подписано к печати 16.10.2014. Формат 84 × 100 $^{1}/_{32}$. Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 4,67. Тираж 500 экз. Заказ № 213Р. Отпечатано в соответствии с предоставленным оригинал-макетом в типографии издательско-полиграф
СПб., наб. Обводного канала, д. 40.
renome@comlink.spb.r

082619002
Мегион ЦБ-КО

ПАВЕЛ ЧЕРКАШИН родился в селе Мужи Шурышкарского района Ямало-Ненецкого автономного округа Тюменской области. В неполные пятнадцать лет уехал из родительского дома в областной центр, где в 1991 году успешно окончил отделение учителей начальных классов в Тюменском педучилище № 1.

Высшее образование получил в Тюменском госуниверситете на филологическом факультете. Защитил дипломную работу по теме: «Трилогия Ивана Сергеевича Шмелёва в контексте критико-научных и текстологических проблем».

С весны 1999 года живёт и работает в Ханты-Мансийске. В настоящее время является помощником депутата Тюменской областной Думы.

Пишет как прозу, так и поэзию, занимается публицистикой, краеведением, творческой обработкой финно-угорского фольклорного материала и литературными поэтическими переводами.

Неоднократный участник семинаров молодых писателей Тюменской области и Ханты-Мансийского автономного округа – Югры.
Член Союза журналистов России с 2000 года. В члены Союза писателей России был принят в 2003 году.

Павел Черкашин – ветеран боевых действий на Северном Кавказе. Имеет военные награды, в том числе Благодарность Верховного Главнокомандующего Вооружёнными Силами Российской Федерации В. В. Путина (2000). Восемь лет отдал службе в органах внутренних дел, был выпускающим редактором окружной ведомственной газеты «Правопорядок Югры». Майор внутренней службы в отставке.

Лауреат Всероссийской литературной премии им. Д. Н. Мамина-Сибиряка (2013). Награждён номерной медалью Союза писателей России «Василий Шукшин» (2014). Автор тридцати девяти книг поэзии и прозы, изданных в России, Канаде и США.

Санкт-Петербург
2014

ISBN 978-5-91918-511-6
9 785919 185116